

Инна
Карташевская

«Ибо сильна,
как смерть,
ЛЮБОВЬ...»

Семь мистических новелл о Любви:

*Время
Студент
Портрет
Давид
На развалинах
Дочка
Мики*

«Книга-Сефер»
Израиль
2013

Инна Карташевская

**Ибо сильна, как смерть,
любовь... (сборник)**

«Книга-Сэфер»

2013

Карташевская И.

Ибо сильна, как смерть, любовь... (сборник) / И. Карташевская —
«Книга-Сэфер», 2013

Семь рассказов, входящие в сборник «Ибо сильна, как смерть, любовь» объединены общей идеей о том, что только очень сильное чувство, такое как любовь или страсть может сразиться со смертью. Причем это не только любовь между мужчиной и женщиной, но также и любовь к ребенку, любовь собаки к своему хозяину, любовь к другу, к деньгам, к своему делу. Каждый из рассказов последовательно раскрывает один из этих аспектов. Все мистические явления происходят на фоне реальной жизни, в которую вторгается смерть.

© Карташевская И., 2013

© Книга-Сэфер, 2013

Содержание

Время	5
Студент	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Карташевская

Ибо сильна, как смерть, любовь. Семь мистических новелл о Любви

Время

Только сейчас, когда мне уже пошел шестой десяток, и жизнь моя подходит к концу, я решаюсь рассказать о тех странных и трагических событиях, которые мне довелось пережить в юности. Теперь, когда пришло время подводить итоги, долгими ночами я лежу без сна и задаю себе вопрос, а было ли это на самом деле или только привиделось мне. Но потом перед моими глазами вновь и вновь встает его милое лицо, его нежная мальчишеская улыбка, и я понимаю, что все это действительно было, и что я все еще люблю его.

Я уже давно почтенная мать семейства, но ни мой муж, ни мой взрослый сын, ни мои любимые внуки даже не подозревают, что были в моей жизни эти несколько дней, когда Бог, снизойдя к моей одержимости, наделил меня даром совершить чудо. С тех пор прошло много лет, и я не знаю, сохранился ли у меня этот дар до сих пор или нет, ибо твердо уверена, что никогда больше не стану применять его, так как еще тогда я поняла, что все в нашей жизни предопределено, и ничего изменить мы не в силах.

В тот год, окончив университет, я вернулась в свой небольшой провинциальный город. Конечно, уезжая пять лет назад, я была уверена, что расстаюсь с провинцией навсегда. Но все оказалось не так просто. Единственной возможностью остаться в большом городе оставалось найти себе мужа, имеющего постоянную прописку. Но с этим ничего не получилось. Не то, чтобы я никому там не нравилась, наоборот, я была очень хорошенькой, и к тому же мои родители, гордые тем, что я поступила в университет в большом городе, старались изо всех сил доставать мне красивые вещи. Так что я выделялась в любой компании, и многие обращали на меня внимание, но просто дело было в том, что все эти годы я оставалась романтической дурой, желающей выйти замуж только по большой любви. Строки «Ей с детства нравились романы, они ей заменяли все...» были написаны не только о Татьяне Лариной, но и обо мне. Все пять лет я просидела в квартире своей тетки, вся погруженная в книги и мечты о Нем. Я точно знала, каким Он должен быть: конечно же, высоким, стройным, симпатичным, с застенчивой мальчишеской улыбкой и длинными ресницами. Естественно, ни о каких кривых ногах или оттопыренных ушах не могло быть и речи. Еще он должен был быть нежным, милым, немного наивным и безумно талантливым, неважно в какой области. А мне предназначалось быть ему поддержкой и опорой на всю жизнь. Такая вот романтическая чушь. Еще счастье, что мой отец смог сделать мне так называемый «вызов» из нашего района, иначе мне вообще пришлось бы поехать на три года в село, работать учительницей в сельской школе. В 1977 году с распределением студентов было очень строго. После окончания высшего учебного заведения каждый молодой специалист должен был отработать три года там, куда его пошлет государство. А посылали, естественно, в такие захолустья, куда по доброй воле никто бы никогда не поехал. Поэтому на старших курсах все начинали стремительно жениться или выходить замуж, чтобы получить так называемый «свободный диплом». Другим выходом было письмо от какого-нибудь учреждения, которое сообщало, что страстно желает заполучить к себе на работу именно этого выпускника, и никакой другой их не устроит. Все понимали, что эти письма-вызовы берутся «по благу», но закон разрешал в таких случаях отпускать на волю несчастного выпускника, и особых препятствий таким «вызовникам» не чинили.

Вот так и получилось, что я смогла хотя бы вернуться в наш город. Отец нашел еще кое-какие связи, и меня приняли на работу в английскую спецшколу, что в нашем, обделенном элитой городке, тоже считалось довольно престижным.

В школе мне дали сравнительно немного часов, ни семьи, ни детей у меня не было, друзей я за эти пять лет растеряла, поэтому я и решила подыскать себе какое-нибудь еще занятие, чтобы заполнить свободное время. В университете у меня тоже было много свободного времени; занятия давались мне легко, с мальчиками я подолгу не встречалась, так как очень быстро в них разочаровывалась, (еще бы, при таких-то требованиях), поэтому я записывалась на все факультативные занятия и старательно их посещала. Два года я изучала журналистику и даже печаталась в нашей университетской газете. Вместе с еще одной, такой же неприкаянной, как и я, подружкой мы ходили по другим институтам, брали интервью у наиболее активных студентов и писали о них никому не интересные статьи. Вероятно, этими статьями заполняли свободные места, когда больше печатать было нечего. Но мы все-таки не бросали свою журналистскую деятельность, потому что, чего греха таить, еще и надеялись встретить где-нибудь Его, так как дурамы были обе. Но, понятное дело, таких как нам было нужно нигде не водилось, и постепенно мы бросили это дело.

Теперь же, прочно осев в своей провинции, и не зная, куда себя девать, я решила попытаться счастья в местной газете. А вдруг, они, сраженные моим талантом, предложат мне там постоянную работу. Все-таки работа журналиста намного интереснее, чем работа учителя. Да и людей там встречаешь гораздо больше, а ведь как-то надо же было устраивать свою жизнь.

В редакции местной газеты «Надднепрянская правда» никто особенно не обрадовался моему приходу. Но, скорее всего, и у них иногда оставались в газете пустые места, которые надо было хоть чем-нибудь заполнить. Мне стали изредка давать задания написать заметки второстепенной или третьестепенной важности. Печатали их обычно где-нибудь в середине в самом низу, и, конечно же, ничего за них не платили. Да я и не заикалась об оплате, так как была уверена, что никто мои писания не читал. Так я работала уже целый год, и хотя мне эта деятельность вообще ничего не приносила, все-таки не бросала ее, совсем уже не зная, чем заполнить пустоту в своей жизни.

В ту пятницу, которую я не забуду никогда, все начиналось как обычно. Было 16 мая 1978 года, и эта дата врезалась мне в память навечно. Утром мне позвонили в школу из газеты и дали задание. Пару недель назад в Киеве проходил конкурс молодежной песни, и первый приз получила песня композитора из нашего города. Это был совсем молодой мальчик, студент четвертого курса музыкального училища. Я уже знала о нем из передачи по местному радио, и даже слышала его «Песню без слов». Мелодия была действительно необыкновенно красивой и очень грустной, и так как жизнь моя тоже была не из веселых, поразила меня в самое сердце. Несколько дней я даже думала о нем, и он представлялся мне необыкновенно красивым, с одухотворенным лицом, и чуть ли не печатью гения на лбу. Потом я решила, что все это мои очередные фантазии, а на самом деле, он, скорее всего, самый заурядный парень, с самой заурядной внешностью, а, может быть, и вообще урод. Но все-таки после звонка я заволновалась и решила, прежде чем идти, привести себя в порядок, тем более что мне сказали, что дело не спешное, и я вполне могу принести материал в середине следующей недели. После работы, я отправилась в парикмахерскую постричься и подкрасить волосы. Еще мне нужно было обдумать свой наряд и подготовить вопросы, и вообще темы для беседы.

Всю вторую половину пятницы я этим и занималась, собираясь пойти к нему в субботу. Но назавтра, когда окончились занятия, и я увидела, как все радостно заспешили домой, до меня вдруг дошло, что на субботу все нормальные люди планируют какие-нибудь развлечения. Скорее всего, он тоже будет куда-нибудь спешить. Точно также отпало и воскресенье. Даже, если он будет дома, я же не хочу, чтобы он подумал, что мне совершенно нечем заняться в

свободный день, а так как у нас в понедельник был назначен педсовет, ничего не оставалось, как идти к нему во вторник, что я и сделала.

После уроков я сложила свои вещи и вышла на улицу. День был никакой, ни жаркий, ни холодный, а так себе светло-серый, без солнца, но и без дождя. Я люблю такую погоду. Мне почему-то кажется, что она лучше всего подходит к моей постоянной меланхолии. Повинуясь какому-то порыву, я решила идти пешком. Город у нас небольшой, и до любого места можно добраться без автобуса, а улица 9-го Января, на которой он жил, и вообще находилась не очень далеко. Я шла и думала, как хорошо, что у меня есть такая уважительная причина прийти к нему. А просто так я ни к кому не пристаю и никого не трогаю. Ну, что я за прелесть, прямо как Наташа Ростова. С такими мыслями я, наконец, вышла на его улицу. Она была совсем короткой, по обеим сторонам стояли невысокие двухэтажные дома на четыре квартиры. В конце улицы я сразу увидела толпу. Наверное, что-то случилось, равнодушно подумала я. Меня никогда не привлекал вид чужого несчастья, и я сразу же решила обойти эту толпу стороной. Но нужный мне номер дома был явно в той стороне, и я пошла туда. Приблизившись, я сразу поняла, что это похороны. Такой черной и зловещей выглядит только толпа, идущая на кладбище. Подойдя еще ближе, я обратила внимание, что вокруг стояли большей частью очень молодые мальчики и девочки. Значит, умер кто-то молодой, все также безучастно подумала я. Жаль, конечно, но это не мое дело. Мне нужно идти дальше. Я подняла глаза на номера домов. Странно, толпа стояла у нужного мне дома, 19-го. Тревожное предчувствие кольнуло в сердце. Нет, этого не может быть. Это просто совпадение. Мало ли кто еще живет в доме. Но подойдя ближе и пробираясь к входу, я уже знала, что обманываю себя. Я поднялась на второй этаж. Дверь нужной мне квартиры была, как и положено на похоронах, полуоткрыта. Рядом у стены стояла обтянутая красным материалом, страшная крышка. Я тихонько зашла внутрь. Небольшая комната, заставленная мебелью, занавешенные зеркала и стекла в серванте. Посредине на табуретках стоял гроб, и он лежал в нем. Даже в смерти он был красив, как бог. Темные кудрявые волосы, ровные полукружия бровей, длинные пушистые ресницы, короткий прямой нос и плотно сжатые губы. Смуглые руки с длинными тонкими пальцами музыканта вытянуты вдоль тела. Он был стройным и, судя по длине гроба, высоким. Ну, вот я и встретила его, мелькнула в голове мысль, только как всегда опоздала. Вот он лежит мертвый, такой юный, такой талантливый, такой красивый, и все, чем наделила его природа, все пропало. Но ведь этого не может быть. Он ведь один единственный такой, я искала его всю жизнь. Да, я старше его, но всего лишь на несколько лет. Но и не во мне дело, просто он должен был жить. Я должна немедленно что-то сделать. Нельзя позволить ему вот так уйти. Но что я могу сделать? Что?

– Прежде всего, ты должна узнать, почему он умер. Если у него была какая-нибудь смертельная болезнь, сделать будет ничего нельзя, – деловито сказал кто-то у меня в голове. – Узнай, отчего он умер.

Я подняла глаза. Возле гроба сидела женщина, вся черная как земля. Она безумными глазами смотрела на мертвое лицо. Время от времени горе переполняло ее, и она начинала мерно раскачиваться и шептать «Ленечка, мальчик мой родной». Рядом сидел мужчина и также, не отрываясь, смотрел на сына. Прислонясь к серванту, стоял высокий худой подросток, очень похожий на лежащего в гробу парня. Глаза у него были испуганные и полные слез. Это был явно младший брат. Я заглянула в кухню. Там деловито суетились две пожилые женщины, что-то резали, жарили. Готовят поминки, с ненавистью подумала я. Еще бы, ведь это чуть ли не главная часть похорон, напиться и наесться на халяву.

Я повернулась и тихонько вышла из квартиры. Спрошу у соседей внизу, соседи всегда все знают. Я вышла из подъезда и услышала громкие рыдания. Поодаль стояла пышная белокурая девица, и вся исходила слезами. Ее окружали несколько девочек. Они пытались утешать ее, подносили ей воду, валерьянку, но она все отстраняла и, эффектным жестом откидывая длинные белые волосы, продолжала картинно рыдать.

– Ты смотри, как слезами заливаешься. Еще и совести хватило прийти сюда. У, бесстыжая, убить ее мало, – прошипел сзади меня чей-то голос. Я обернулась. Возле меня стояли три пожилые женщины. Одна из них и сказала эти слова, а остальные две согласно закивали головами.

Вот ты-то мне и нужна, подумала я и, повернувшись к ней, тихо спросила:

– А что с ним случилось? От чего он умер?

У нее сразу загорелись глаза. Еще бы, с подругами – то она уже все обсудила, а тут свежий человек, и можно все заново просмаковать. Она с готовностью раскрыла рот, но прежде, наверное, для приличия спросила:

– А вы кто им будете?

– Я из школы, – ляпнула я.

– Понятно, – закивала она, хотя, что ей было понятно, трудно было сказать.

– Ну, так вот, – быстро зашептала она. – Эта блондинка, ну та, что плачет, Ленка. Это из-за нее все и случилось. Она из деревни приехала в техникуме учиться, ну, и вцепилась в него, в Ленечку нашего, значит, как пиявка. Ясное дело, в городе ей захотелось остаться, а иначе, зачем он ей. А Ленечка тогда и совсем молоденький был, он же младше ее на два года, а она, видать, уже опытная, смогла парню голову задурить. Два года к ним домой ходила, всех тут уже знала, и такая вся из себя ласковая была. Только и слышишь от нее «Здравствуйте, тетечка Верочка, давайте я вам помогу», и все такое. А уж как за матерью его увивалась, и отцу тоже глазки строила. Родители-то сперва не хотели ее, ему учиться надо, да и не пара она ему. Но потом смирились, что ж сделаешь, если он в ней души не чаял, да и привыкли, она почитай каждый день приходила, ну, прямо родная была. А потом пообтесалась в городе, одеваться стала, где только деньги брала, непонятно, но вещи у нее появились модные, и сама такая гладкая стала. Вот тут и появился у нее другой. Ленечка ведь тоже студент, денег у него мало. Ну, подрабатывал он, играл с ребятами на каких-то концертах, может, все это ей и покупал, да ей же уже все мало было. А тут и подвернулся этот спортсмен, чемпион какой-то по гребле, что ли. У него и квартира, и машина, и по заграницам он ездит. Она сразу Леню-то и бросила, и за этого уцепилась. А он, бедный, уж как страдал, ходил весь черный. А потом вот и не выдержал, – она промокнула платком сухие глаза, и, переведя дух, зашептала дальше.

– В пятницу-то родители его возьми и уедь на дачу, и младшего сына с собой прихватили. Им бы дома сидеть и его сторожить, нет, понесло их на дачу. Часов в шесть они уехали, а он в восемь, это доктор потом сказал, взял таблетки снотворные, у них от бабушки остались, и проглотил всю пачку разом. Если б кто дома был и скорую вызвал, спасли бы его, а так, что ж. Родители-то только в воскресенье вечером приехали, а он уже холодный весь. Мать-то бедная так кричала, так кричала, – она снова промокнула сухие глаза и жадно уставилась на меня. А вдруг и я начну рыдать или кричать, все ж интереснее будет.

Но я не собиралась доставлять ей такое удовольствие, а молча, повернулась и пошла, провожаемая ее недоуменным взглядом. Я шла посмотреть поближе на ту, из-за которой он решил умереть. Длинные белые волосы, явно крашенные. Не из худеньких, но и не толстая, а так, аппетитная. Пожилые мужики при виде таких пускают слюни. Лицо грубоватое, из деревни ведь все-таки, но кожа, хорошая, упругая, бело-розовая. Моя бабушка обычно называла такие лица «кровь с молоком». Вроде бы горюет, а кофточку озаботилась надеть обтягивающую, с большим вырезом, и юбка тоже коротенькая. А ляжки-то толстые, со злорадством подумала я.

Девушка почувствовала мой взгляд, и на мгновение отняла платочек от лица и неприязненно посмотрела на меня. Глаза у нее были маленькие, светло-голубые, пороссячи. Ничего, кроме хитрости и злобы в них не было. Да не горюет она вовсе, поняла я, а так, выпендривается. Она же гордится в душе, что она в центре внимания, что она здесь на особом положении. У нее же на роже написано, что, вот я имею право тут рыдать, потому что он сделал это из-за

меня. Сука. И ради вот этой дряни он ушел из жизни. Нет, это неправильно, и я все исправлю. Я спасу его и от смерти, и от нее тоже.

Удивительно, но мне ни разу не пришла в голову мысль, что я просто сошла с ума. Я собиралась спасти мертвого человека. Но разве можно спасти того, кто уже умер? Почему-то я была уверена, что смогу это сделать. И еще я знала, что, если хоть на минуту прислушаюсь к голосу рассудка и начну сомневаться, то все пропало. Я ничего не смогу сделать, и он умрет навсегда. Поэтому я как будто выключила свой мозг и действовала, только повинуюсь какому-то странному инстинкту. Я даже не думала о том, что я должна буду сделать. В голове вертелась какая-то смутная мысль, но я и не пыталась ухватить ее. Я знала, что в нужный момент, она оформится, и я буду знать, что мне нужно сделать. Еще я знала, что это будет нелегко. Мне придется сделать какое-то очень большое и болезненное усилие. Я только подумала, что насколько все было бы проще, если бы он не принимал никаких таблеток. Если бы только его родители не уехали в пятницу, и кто-нибудь был бы рядом с ним, этого не произошло бы.

И вдруг, словно молния ударила меня в голову. Если бы кто-нибудь был с ним рядом... А ведь это я должна была прийти к нему в эту пятницу. Ведь мне же позвонили с утра не случайно. Это был знак, что я должна была пойти к нему, чтобы спасти. А я вместо этого отправилась в парикмахерскую. Так вот, что неправильно в его смерти. Он не должен быть умереть. Это произошло по моей вине, и поэтому только я могу это исправить.

И в это мгновение, та смутная мысль в моем мозгу вдруг стала четкой и ясной, и я поняла, что мне нужно сделать. Время. Я должна вернуть время. Я должна вернуть эту роковую пятницу, прийти к нему и спасти его. Это будет тяжело, но я это сделаю. Самое главное ни секунды не сомневаться в том, что это возможно. Что мне до того, что люди думают, что такого не бывает. Я верю в то, что я могу это сделать, а вера двигает горами. Не напрасно ведь есть такая пословица. Значит, кто-то уже убедился в этом. И в самом деле, откуда мы знаем, что никто никогда не возвращал время, и не изменял чью-то судьбу? Может, так уже было, только никто этого не заметил. Но даже, если такого и не было, меня это не касается. Я знаю, что мне нужно делать. Только мне еще нужно заручиться его согласием. Если он будет мне помогать, все пойдет легче.

Я вернулась в дом и снова вошла в комнату скорби. Там ничего не изменилось. Я посмотрела на мертвого мальчика. Жалеет ли он о том, что сделал, хочет вернуться назад, как узнать это? Я внимательно взгляделась в его лицо и увидела, что в углу глаза у него застыла слеза. Вот и ответ. Бедный, бедный ты мой. Ты не хотел умирать. В последний момент ты понял, какую сделал глупость, и, значит, ты согласен вернуться. Помоги мне тогда, подай знак, что ты меня слышишь.

В этот момент за окном пробежал ветер. Он качнул ветки деревьев, и тень пробежала по мертвому лицу. Его выражение как будто изменилось. Исчезла слеза, застывшее лицо стало умиротворенным. Он услышал меня, он понял. Радость наполнила мое сердце. Теперь я могу спокойно уйти. Похороны могут начаться в любую минуту, а я не должна видеть, как его будут выносить. Его родственники начнут кричать, плакать, а я не должна разделять их скорбь. Я не должна видеть, как его уносят, иначе эта картина будет стоять у меня перед глазами и помешает мне, и он уйдет навсегда. А ведь я обещала ему помочь вернуться, и он ждет.

Я спустилась вниз по лестнице и быстро, чуть ли не бегом, стала уходить от его дома. Но пройдя несколько кварталов, замедлила шаг. Спешить было незачем. Магия – это дело ночи. Чудеса не происходят при свете дня. И чудо никогда не совершается прямо перед глазами, чтобы ты мгновенно мог убедиться в нем. Нет, все гораздо сложнее. Чудо пугливо. Его можно заметить только боковым зрением. Вот промелькнуло что-то необычное, а ты заметил это только краем глаза. Или что-то прошуршало у тебя за спиной в пустом доме. Или чей-то голос послышался в ушах, а может это просто показалось, и на самом деле ничего не было. Тебе самому нужно решать. Если ты решишь, что тебе показалось, то все, это конец. В твоей

жизни чудес не будет. А если ты поверишь в чудо, то ты его и получишь, потому что каждому воздается по вере его. Я не знаю, откуда пришло ко мне это знание, но я чувствовала это всей душой.

Я медленно шла домой, и радость переполняла мое сердце. Он ответил мне, он знает, он ждет. Я чувствовала себя необыкновенно сильной, могущественной. Я знала, сейчас я смогу сделать все.

Дома меня как всегда ждали родители. Я занялась обычными делами, помогла маме накрыть на стол, села с ними обедать, попутно отвечая на их нелепые вопросы о том, как прошел мой рабочий день в школе. Да кому это интересно. И зачем вообще им нужно это знать. Но я не должна была выдать себя и старалась держаться как обычно. Я беседовала с ними спокойным голосом, а сама с трудом старалась удержаться от смеха. Если бы они только знали, что я собираюсь сегодня сделать. Пожалуй, они вызвали бы ко мне психиатра, потому что нормальный человек не должен верить в чудеса. Нормальный человек должен интересоваться только действительно важными для жизни вещами, такими, как, например, работа, зарплата, здоровье, цены и тому подобное. А ночью он должен спать, а не пытаться возвращать время или оживлять мертвых.

Но все дело в том, что ночью я не сплю. Вернее сплю, потому что так полагается, но на самом деле я ночной человек. Всю свою жизнь я ненавижу ложиться спать ночью, и не могу вставать утром. Мой любимый фильм это «Город тьмы». Для меня он полон очарования, потому что в этом городе всегда только вечер и ночь, и никогда не наступает утро. Но наш мир, к сожалению, создан для дневных людей, и приходится ему подчиняться, ломать себя и жить вопреки своей природе. Но сегодня ночью я не буду спать. Сегодня у меня совсем особенная ночь, но уж, конечно моим родителям совершенно не нужно даже подозревать об этом. Поэтому я постаралась как можно непринужденнее рассказать им о своих последних достижениях на ниве просвещения. По-видимому, я даже переборщила, потому что мама начала удивленно поглядывать на меня. Еще бы, ведь обычно я не люблю говорить о школе, и отделяюсь от их вопросов краткими репликами. Чтобы не возбуждать у них подозрений, что сегодня что-то идет не так как всегда, я замолчала, и отговорившись тем, что мне нужно готовиться к урокам, ушла в свою комнату. Готовиться к урокам, это святое дело, поэтому они немедленно освобождают меня от домашних обязанностей и начинают говорить между собой шепотом.

Я закрыла свою дверь и уселась за стол, предварительно обложившись книгами и тетрадями. Камуфляж соблюден, но делать мне нечего. Завтра снова будет пятница, и эти уроки я уже проводила. Уставившись невидящим взглядом в какой-то учебник, я начала думать о нем. Интересно, какой он в жизни. Я ведь даже не знаю, какого цвета у него глаза, какой у него голос. Я пыталась представить, как он улыбается, какие у него жесты. Любит ли он читать? И если да, то какие книги? Как бы мне хотелось поскорее увидеть его живого, поговорить с ним, убедиться, что он именно такой, каким я его представляю. До меня вдруг запоздало дошло, что я люблю его. Как странно, я люблю мертвого мальчика. Нет, нет, тут же начала убеждать я себя, это он только сегодня мертвый, а завтра он выздоровеет. Да, вот именно, не оживет, а выздоровеет. Удивительно, что его смерть ни на одну секунду не представлялась мне чем-то окончательным, а скорее, просто тяжелой болезнью, от которой у меня есть лекарство. И сегодня ночью я его вылечу. Пока только от смерти, а завтра я еще должна буду его вылечить и от любви к этой ужасной Лене. Но это потом. Сейчас самое главное это спасти его. Хоть бы скорее пришла ночь.

Я подняла глаза к окну и с удивлением обнаружила, что уже стемнело. Как быстро прошел вечер. Но мне была нужна настоящая глубокая ночь, когда затихнут все звуки, когда станут пустынными улицы, когда большинство людей улягутся в кровати, и вытянувшись и накрывшись одеялами, застынут в них как мертвецы. Вот тогда я, единственная неспящая на земле, почувствую в себе силу вернуть время, а моя любимая ночь, моя верная подруга поможет мне.

Неожиданно в дверь постучали, и вошла мама. Она принесла мне ужин и сказала, что они с папой идут спать, и мне тоже не стоит засиживаться, так как завтра рано вставать. Я взглянула на часы и с удивлением заметила, что уже начало двенадцатого. В этом было что-то нереальное, что-то явно случилось со временем. Оно не шло, а действительно бежало. Что-то странное происходило сегодня ночью.

Наконец родители улеглись спать. Я выключила свет, наглухо закрыла шторы, и в комнате воцарилась полная темнота. Комната, мебель, все как будто исчезло. Было удивительно тихо, лишь на маленьком столике возле моей кровати громко тикал будильник. Я села в кресло и уставилась в темноту. Ничего не было видно, но я почему-то знала, что кто-то или что-то наблюдает за мной. От напряжения у меня зарябило в глазах и мне показалось, что по комнате плавают небольшие белые облачка. Они скручивались и снова расправлялись, изгибались и кружились словно в танце. Иногда они окружали меня, потом улетали, время от времени они соединялись и образовывали какие-то фигуры. И вдруг они все потянулись в одну сторону, собрались все вместе и передо мной встала фигура очень высокого человека, одетого в длинную белую рубаху. Я ясно видела, что у него длинные до плеч белые волосы и такие же белые борода и усы. Он стоял прямо передо мной и пристально смотрел на меня.

– Чего ты хочешь? – вдруг раздался голос у меня в голове.

– Помоги мне, – произнесла я одними губами. – Я не знаю, кто ты, может, ты просто привиделся мне, но все равно, прошу тебя, помоги мне вернуть его.

– Мертвого нельзя вернуть. Мертвому не место на земле.

– Да, это так. Но я знаю, как можно спасти его. Мне нужно вернуть время, когда он был живым, и я приду к нему и не дам ему умереть.

Белый человек как будто задумался. Я должна убедить его, лихорадочно подумала я. Я должна убедить его сейчас или никогда.

– Пожалуйста. Дай мне возможность спасти его. Ему рано умирать, он не заслужил такую глупую смерть. Верни время, и он останется жив.

Но человек молчал, все также продолжая смотреть на меня. И вдруг облачка разлетелись, и он исчез. В комнате опять стало темно, но я заметила, что в одном месте проступили очертания чего-то большого, прямоугольного. Этот предмет все четче и четче выделялся на фоне стены, которая была уже не черной, а серой, пока я, наконец, ясно не увидела, что это гроб. Он уже отделился от стены и висел в воздухе невысоко от пола. Хотя я и была готова ко всему, мне стало так страшно, что я не могла даже пошевелиться. Стена над гробом продолжала светлеть, и я, наконец, стала различать черты мертвеца, лежащего в гробу. Это был он, Леня. Преодолевая страх, я попыталась подняться и подойти к нему, но не смогла. Мне показалось, что кто-то очень сильный удерживает меня в кресле. В это время у него вокруг лба начала двигаться узкая бумажная ленточка, похожая на те, что я видела в старых фильмах, где показывали ленточки, выходящие из телетайпа. На этой ленточке тоже были какие-то слова, я это ясно видела, но прочитать их не могла. Кроме того, что я сидела далеко от него, буквы сияли голубым светом, переливались и мерцали и разглядеть их было невозможно.

Он хочет что-то сказать мне, с отчаянием подумала я, а я не могу прочитать. Я снова рванулась, чтобы встать с кресла и подойти к нему, но какая-то сила все также удерживала меня. Так я и просидела неподвижно все время, а ленточка все струилась и струилась вокруг дорогого мертвого лица. Наконец, она кончилась, и свет стал меркнуть, а затем вся комната снова погрузилась во тьму, и тут я проснулась и открыла глаза. Вернее, я просто открыла глаза, не понимая, спала я или нет. Могло ли быть, что я уснула в такую важную для меня ночь, и это все мне просто приснилось? Первая мысль была, что да, я спала. Как же я могла, ведь я же предала его, ведь все пропало, я никогда не смогу вернуть его. Затем я взяла себя в руки и все обдумала. Нет, я не уснула. Все, что я видела, было на самом деле. Просто проявилось одно из свойств чуда: произойти так, чтобы у меня оставался выбор, верить в него или нет.

Я знаю, что это был не сон, – твердо сказала я вслух неизвестно кому. – Я знаю, что я видела его, и он пытался мне что-то сказать, но я не поняла. Пожалуйста, попытайся сказать мне это еще раз. Ты же видишь, я верю, что ты приходил. Постарайся прийти еще раз.

И в этот момент он выступил из снова посветлевшей стены. Теперь он стоял, а не лежал в гробу, но он явно был мертв. Глаза его были закрыты, а руки бессильно свисали вдоль тела.

– Ты мертв, – вырвалось у меня.

– Да, – сказал он.

Я ясно видела, что губы его шевелились, но глаза по-прежнему были закрыты.

– Но как же так? Я не смогла оживить тебя?

– Это неважно, – все также, не открывая глаз сказал он. – Я пришел сказать тебе, что мы завтра увидимся.

– Но ведь ты же мертв, значит, я завтра умру и приду к тебе? – без всякого страха спросила я.

– Нет, – загадочно ответил он. – Не так, а по-другому.

Затем он отступил назад и исчез в стене.

Стена погасла, и я снова очутилась в непроглядной тьме. В комнате было необычно тихо. Мне явно не хватало какого-то привычного звука.

Часы, вдруг догадалась я. Будильник, который тикал в начале ночи вдруг замолчал.

Так, значит, время все-таки остановилось, мелькнуло у меня в голове, и я снова открыла глаза. Я лежала в своей постели, в ночной рубашке, шторы были раздвинуты и за окнами уже рассвело. Я чувствовала себя страшно усталой, я опять не могла понять, спала я или нет, но тут же рассердилась на себя за малодушие.

– Нет, я не спала, – твердо сказала я вслух. – Это все мне не приснилось, я видела его, он приходил ко мне и говорил со мной.

Но сердце мое болезненно сжалось. Я хорошо помнила, что он приходил ко мне мертвый. Значит, у меня ничего не получилось, я не смогла вернуть время.

В кухне включилось радио, я услышала бой курантов. Они отбили положенные шесть ударов, затем заиграл гимн Советского Союза.

– С добрым утром, товарищи, – сразу вслед за гимном произнес бодрый голос женщины – диктора. – Сегодня пятница 16-е мая 1978 года.

* * *

Получилось! У меня получилось! Сумасшедшая радость охватила меня. Значит, я действительно сегодня увижу его живого. Я буду говорить с ним. Спасибо тебе, Господи. Ты дал мне возможность спасти его, и поверь, я не упущу ее. Если мне не удастся отговорить его, я буду держать его за руки и звать на помощь, пока не сбегутся все соседи. Но я знаю, что этого не понадобится, потому что я сумею убедить его. Со вчерашнего дня мне все дано.

Усталости как не бывало. Я вскочила с кровати, переполненная счастьем и энергией. Сейчас нужно бежать в школу, мне ведь должны позвонить туда из газеты. Впервые я бежала на работу с нетерпением. Интересно, повторится ли все? И будет ли все точно совпадать с прошлым разом?

Все повторилось, правда, не совсем точно. Учителя заходили в учительскую почти в той же очередности, но только почти. Потому что некоторые все-таки пришли раньше, другие чуть позже. И говорили не все о том же, что в предыдущую пятницу.

Мне и самой захотелось провести эксперимент, вызвать не тех детей или провести урок по-другому, но, подумав, я решила не делать этого. А вдруг я что-нибудь нарушу этим, и все изменится, и я не смогу спасти его. Еще сначала я очень волновалась, позвонят ли мне из

редакции, но потом до меня дошло, что я и без этого звонка могу пойти к нему. И, кстати, пойду обязательно, и ничто и никогда не удержит меня.

Но из редакции позвонили, и точно в то же время. В этом я увидела хороший знак.

Значит, мне все-таки суждено спасти его. Когда на перемене в учительской минута в минуту раздался звонок телефона, я сорвалась с места, чтобы схватить трубку, но вовремя остановилась. В прошлый раз меня позвали к телефону, и сейчас на всякий случай лучше было повторить все действия. Замерев, я ждала, кого позовут к телефону. Позвали меня. Секретарь редакции отбарабанила мне задание, присовокупив, как и в прошлый раз, что дело неспешное.

Ага, это тебе неспешное, подумала я, а я уже больше на эту удочку не попадусь. Для меня это самое важное и самое спешное дело на земле.

Я решила идти к нему сразу после шести часов, только подождать пока уедут его родители. Целый день я думала, что я ему скажу, как смогу убедить не умирать, но так ничего и не придумала, и решила действовать по обстоятельствам. В конце концов, если у меня ничего не получится, я, как и решила, схвачу его за руки и начну кричать, пока не сбегутся все соседи. Или буду сидеть у него хоть всю ночь, но отравиться не дам. Не знаю, как мне удалось все-таки еще и провести все уроки. Чем ближе подходило время идти к нему, тем больше я волновалась. Причем, если сначала я еще и переживала, не будет ли мне страшно, когда я увижу его живым, после того как столько раз видела мертвым, то потом я про это забыла. Я просто волновалась оттого, что увижу его. Придя домой, я первым делом кинулась к зеркалу. Как я выгляжу? На сколько лет? Могу ли я понравиться ему или его интересует только эта его деревенщина?

То, что я увидела в зеркале, мне понравилось. Хотя я и вернулась в прошлую пятницу, волосы мои не отросли. Дорогая и очень модная в том году стрижка «Видаль Сесун» мне очень шла. Я надела купленные на толчке фирменные джинсы «Levi's», модный марлевый батник и босоножки на платформе. Все было классное и смотрелось очень современно, и самое главное, больше восемнадцати дать мне было нельзя. Не может быть, чтобы я ему не понравилась. Во всяком случае, все данные для этого у меня есть, а остальное я соображу по ходу дела.

Очень тяжело было усидеть дома, дожидаясь положенного часа. В пять часов меня просто вынесло из дому, и, хотя я шла пешком и очень медленно, без четверти шесть я уже была возле его улицы. Еще немного времени заняла прогулка по соседнему переулку, но ровно в шесть я уже стояла на углу возле его дома, убеждая себя, что мне необходимо находиться здесь, чтобы не пропустить отъезд его родителей. В книгах, когда сыщику нужно следить за кем-то, на противоположной стороне улицы всегда, кстати, как рояль в кустах, находится какое-нибудь кафе или книжный магазин. Но на этой короткой улице ничего не было, даже деревьев, и мне пришлось очень нелепо торчать там у всех на виду. Все, что я могла сделать, когда кто-нибудь проходил мимо, окидывая меня недоуменным взглядом, это с недовольным видом смотреть на часы, как будто я кого-нибудь жду. Но всему приходит конец. Я все-таки дождалась, пока его родители и брат вышли из дому и направились к автобусной остановке.

Уезжают все-таки, опять оставляют его как ничуть не бывало, невольно со злостью подумала я, хотя и вполне отдавала себе отчет, что они ничего знать не могут, так как для них все происходит в первый раз.

Я решила подождать еще десять минут, чтобы убедиться, что они не вернутся, но уже через три минуты мне пришло в голову, что в этот раз он может не дожидаться восьми часов, и я опоздаю. Почувствовав, как ледяной холод ужаса заполняет мою душу, я, чуть ли не бегом бросилась к его дому. У самого подъезда я притормозила, чтобы отдышаться и привести себя в порядок. Слава богу, что эта маленькая улица была пустынной, и никто не обратил внимание на мои маневры. Наконец, я вошла в подъезд и поднялась по лестнице. Сердце колотилось как сумасшедшее. Вопреки всякой логике я боялась снова увидеть возле его двери красную крышку гроба. Но, слава богу, там ничего не было, и я вдруг ясно поняла, что сейчас увижу его живого. От этой мысли сердце заколотилось еще сильнее, но я уже жала на звонок. За

дверью раздались быстрые шаги, и она распахнулась. Он стоял на пороге, в глазах его светилась надежда. Очевидно, он подумал, что это она, Лена, пришла спасти его. Но там была всего лишь я, и глаза его мгновенно погасли. Разочарование было таким сильным, что он без сил прислонился к косяку двери. Да, живой, он был таким, как я и думала, высокий, стройный, смуглая кожа, темные кудрявые волосы и неожиданно синие глаза.

– Да? – тусклым голосом спросил он.

– Привет, – не придумав ничего лучшего, выпалила я.

– Привет, – равнодушно ответил он, не двигаясь с места.

– Я к тебе, – продолжила я, заранее заготовленный текст.

Он удивленно приподнял одну бровь.

– А разве мы знакомы?

Еще бы, подумала я, всю ночь, кажется, беседовали. Но вслух, конечно, сказала другое. То, что запланировала.

– Я к тебе из газеты, мне нужно взять у тебя интервью. Ты ведь теперь знаменитость.

На секунду в его глазах промелькнула радость, но тут же погасла, и он нахмурился.

– Мне не нужно никакое интервью. И, вообще, извините, но я занят.

Еще бы, подумала я, мальчик принял такое умное судьбоносное решение, готовится предстать перед всевышним, а тут какое-то интервью. Но меня этим не проймешь.

– Знаешь, если я все-таки уже пришла, может, ты разрешишь мне хотя бы зайти на минутку?

Он заколебался, но хорошее воспитание взяло верх, и он посторонился, давая мне дорогу.

– Только я действительно занят и не могу уделить вам внимание.

Я прошла в комнату. Так странно было снова находиться здесь, рядом с ним, живым и не узнающим меня. Не дожидаясь приглашения, я уселась. Он снова нахмурился и остался стоять, по-видимому, рассчитывая на кратковременность моего визита.

– Послушай, – попыталась я снова вернуться к домашней заготовке, – я, конечно, всего лишь из местной газеты, это, понятно, не очень престижно, но ведь это только начало. Если интервью получится хорошим, его могут перепечатать и республиканские газеты. Я думаю, тебе предстоит стать очень знаменитым.

– Мне очень жаль, что вы потратили время, но меня это не интересует, – упрямо ответил он.

Я почувствовала, как во мне начинает закипать злость. Я для него столько сделала, а его, видите ли, это не интересует. Хорошо, тогда будем говорить по-другому.

– Я понимаю, – как можно спокойнее начала я, – тебя не интересует интервью, так как гораздо актуальнее для меня сейчас писать тебе некролог.

Он вздрогнул и ошеломленно посмотрел на меня. Потом взял себя в руки и криво улыбаясь, произнес.

– Почему это вдруг некролог?

– Потому что сегодня вечером ты собираешься умереть, – глядя ему прямо в глаза сказала я.

Он растерянно смотрел на меня, не зная, что сказать, но затем неуверенно произнес:

– Вот еще, с чего вы это взяли?

Я молчала, все также глядя ему в лицо. Он нервно передернул плечами и снова спросил:

– Так почему вы так думаете?

– Я не думаю, глупый мальчик, я знаю.

– Откуда? – перестав притворяться, коротко спросил он.

– Садись, Лена, – серьезно сказала я. – Давай поговорим с тобой откровенно.

Как зачарованный он уселся напротив, не сводя с меня взгляда.

– Бог с ним, с интервью, давай лучше поговорим...

– Сначала скажите, кто вам об этом сказал? Лена?

– Я не знакома с твоей Леной и видела ее только один раз в жизни, но мне хватило, чтобы понять, что она из себя представляет.

– Ну и что же вы поняли? – почти враждебно спросил он.

– Что это хитрая и глупая деревенская девка, которая хотела использовать тебя, чтобы остаться в городе. Но потом ей попался другой, с квартирой и машиной, и она без колебаний бросила тебя и вцепилась в него.

Он мгновенно вспыхнул:

– Быстро же вы все поняли. А то, что вы можете ошибаться, вам не приходило в голову?

Или вы всегда так мгновенно и безошибочно судите о людях?

Я поняла, что поторопилась с Леной и решила сменить тактику.

– Хорошо, – кротко сказала я, – не будем говорить о ней. Поговорим о тебе.

– А что обо мне говорить?

– Послушай. Леня, – как можно мягче начала я. – Я знаю, ты сейчас переживаешь очень тяжелый момент. Тебе, наверное, кажется, что жизнь кончена, что никто никогда не страдал так, как ты. Но поверь мне, это не так. Такое переживает в жизни каждый и не один раз. Дай мне договорить, – быстро добавила я, видя, что он опять вспыхнул и готов вскочить. – Так вот, неразделенная любовь и предательство существуют столько, сколько существует мир. И всегда кому-то казалось, что ничто не может сравниться именно с его любовью и с его муками. И в мире, наверное, нет человека, который не прошел бы через это, и если бы все кончали жизнь самоубийством, человечество давно бы вымерло. Но этого не происходит, потому что все проходит. Знаешь, у еврейского царя Соломона было кольцо, на котором он велел написать «Все уходит, все проходит, и это пройдет». И это святая правда. Время лучший доктор, и через пару месяцев ты сам будешь удивляться тому, что так переживал.

Я сделала паузу, чтобы перевести дух, и он тут же закричал, глядя на меня чуть ли не с ненавистью.

– Послушайте, я не знаю, кто вы, и откуда вы обо мне узнали, но кто вам дал право лезть ко мне в душу и вмешиваться в мою жизнь? Это моя жизнь, понимаете, и я могу с ней делать все, что хочу. И, вообще, какое вам до меня дело и какая вам разница, буду я жить или нет?

– Ах, вот как, – тоже заорала я, чувствуя, как меня охватывает не просто злость, а самое настоящее бешенство. – Это только твоя жизнь, и ты можешь делать с ней, что хочешь? А ты видел своих родителей, когда они сидели здесь у твоего гроба, черные как земля и полубезумные от горя? И твоего брата, который рыдал здесь у этого серванта? А твоя нежно любимая Лена явилась к тебе на похороны, вырядившись в свою самую короткую юбку и в самую вырезанную кофточку и, выставив здесь грудь и ляжки, делала вид, что рыдает, а сама пыжилась от гордости и самодовольства, что вот нашелся дурачок, который из-за нее отравился. А ты видел себя в гробу со слезами на глазах, потому что в последний момент ты пожалел о том, что сделал? Ты этого не видел, а я видела, потому что была здесь на твоих похоронах во вторник.

От неожиданности моих слов он на минуту растерялся.

– Послушай, ты что сумасшедшая? О каких похоронах ты говоришь? Я еще живой.

– Пока живой, последние часы, потому что ты собираешься в восемь часов проглотить тридцать таблеток снотворного, которое осталось после твоей бабушки. Что, разве не так?

Он опять растерянно помолчал. Потом неуверенно сказал:

– Откуда ты это знаешь? Ты не можешь этого знать.

– Тем не менее, я знаю, и меня послали сюда, чтобы не дать тебе это сделать.

– Кто послал? Кто мог тебя послать?

– Я не могу тебе сказать. Я и так слишком много тебе сказала.

– Ты все это выдумала.

– Выдумала? И про таблетки тоже? Ты разве говорил кому-нибудь о них?

Он молча покачал головой.

– Хочешь еще доказательство? Как ты думаешь, я была уже в вашей квартире?

– Ну, я думаю, нет, – растерялся он.

– Тогда откуда я знаю, что у вас кухонные шкафчики коричневого цвета и плита тоже коричневая? Не можешь сказать? Так вот, я заглядывала к вам в кухню. Там две женщины готовили поминки по тебе, я хотела узнать у них, почему ты умер, но постеснялась спросить. У одной из них на левой щеке большое родимое пятно. Ты знаешь, кто это?

Он беспомощно кивнул, без сил опустился на стул и задумался. Я ясно видела, что он перебирает в уме все возможные варианты, пытаюсь найти хоть сколько-нибудь приемлемое объяснение и не находит его. Наконец он сдался, но, тем не менее, прямо сказал:

– Я все равно думаю, что ты сумасшедшая и все это выдумала.

– И про то, что ты собираешься принять эти чертовьи таблетки в восемь часов?

– Ну, про таблетки я не знаю, откуда ты узнала. А в квартире ты, может быть, и была. Откуда я знаю, кто к нам приходит, когда меня дома нет.

– Ты сам не веришь в то, что говоришь.

– Так что ты хочешь, чтобы я поверил в эту чушь про мои похороны? Такого все равно не может быть.

– Почему? – тут же вцепилась я в него.

– Потому что чудес на свете не бывает.

– А ты уверен в этом? А разве это не чудо, что мы вообще как-то попадаем на эту землю, живем на ней, а потом уходим неизвестно куда? Да люди просто боятся чудес, и стараются не видеть их. А ты такой сторонник скальпеля Оккама?

– Какого еще скальпеля? – удивился он.

– Ну, вот, – совершенно искренне огорчилась я. – А я думала, ты читаешь книги.

– Я и читаю, – обиделся он. – Только, может быть, не те книги, что ты.

– А какие же?

– Не важно. Ты давай объясни, что ты имела в виду.

– Оккам это древний философ. Он жил в тринадцатом веке, но был очень трезво мыслящий человек. Он сказал «Не следует увеличивать число сущностей, сверх существующих».

– Хорошо сказал, – иронически одобрил он. – Неплохо было бы еще понять, что это значит.

– Это значит, что не нужно выискивать что-то сверхъестественное, там, где можно обойтись естественными причинами. То есть, что чудес не бывает. И с тех пор мы так и живем, закрываем глаза на то, что не можем объяснить и говорим, что этого не может быть, потому что этого не может быть... никогда. Как у Чехова, знаешь?

Он кивнул.

– А на самом деле... А на самом деле «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Это тоже, между прочим, очень неглупый человек сказал.

– Так что, ты мне предлагаешь поверить, что я умер, а теперь снова воскрес и даже не помню об этом?

– А что тебе еще остается делать, как не поверить? Жаль, что я не сфотографировала тебя в гробу. Кстати, у тебя есть темно-синий костюм?

Он кивнул.

– Вот ты в нем и лежал.

Он подпер голову кулаком, некоторое время задумчиво смотрел на меня и, наконец, сделал последнюю попытку.

– Слушай. А, может быть, ты у кого-нибудь узнала, ну, про костюм и про кухню, а теперь из меня идиота делаешь?

– Да? А зачем бы мне это было надо?

- Да откуда я знаю? Разыгрываешь, может.
- Хороший розыгрыш, особенно про таблетки, которые ты собираешься проглотить в восемь часов.
- Да, – вздохнул он, – таблетки это сильная карта. Я о них вообще никому не говорил.
- Ну вот, видишь?
- Ну-ну, просто дурдом какой-то.
- Точно, – поддержала его я.
- Он с минуту еще пытался что-нибудь придумать, а потом вдруг невесело засмеялся.
- Чего ты? – удивилась я. – Что здесь смешного?
- Представляешь, вот я поверю тебе и начну кому-нибудь рассказывать, как он был у меня на похоронах, а я потом передумал и воскрес, и могу ему теперь его венюк назад отдать. На меня сразу нахлынули печальные воспоминания.
- Во-первых, – тихо сказала я, – это было совсем не смешно, это было ужасно. У меня до сих пор сердце разрывается, когда я вспоминаю об этом. Но это одно, а второе, и главное, что ты никогда никому не должен об этом рассказывать. Я и тебе не должна была говорить об этом.
- Почему?
- Так.
- Исчерпывающий ответ, конечно. Ну, хорошо, давай зайдем с другой стороны. Кто ты? И почему вдруг у тебя разрывалось сердце, когда ты меня увидела?
- И тут я растерялась. Конечно, дома мне приходило в голову, что он спросит это. И в ответ я должна была честно и прямо ему ответить, что это потому, что я люблю его и искала всю жизнь. Но одно дело твердить это про себя и совсем другое сказать это вслух да еще парню, который видит меня, или считает, что видит, первый раз в жизни.
- Давай, давай, колись, – подбодрил он меня.
- Ну, я пришла взять у тебя интервью, – неуверенно начала я, Но он меня перебил.
- Это я уже слышал, это твоя официальная легенда, а ты говори правду: как ты попала в эту историю? Почему именно тебя прислали спасти меня? И кто прислал, в конце концов?
- Я молчала, не зная, что сказать.
- Так, придется применить допрос третьей степени, – продолжил куражиться он. – Или все-таки будешь говорить?
- Я не могу говорить, меня никто не предупреждал, но я чувствую, вернее, я точно знаю, что об этом нельзя рассказывать.
- Почему?
- И вдруг в моей голове прозвучали странные слова, и я автоматически повторила их – Великое таинство, великий грех.
- Понятно, – задумчиво сказал он, – ну и что мне теперь с этим всем делать?
- Во-первых, поверить мне. А во-вторых, не делать глупостей. Чего вдруг тебе умирать? Ты умный, интеллигентный, талантливый, красивый, наконец.
- Он скептически усмехнулся.
- Да уж, красавец.
- Ты что и вправду не знаешь, что ты очень красивый? – удивилась я.
- Я так не считаю.
- Тогда слушай то, что тебе говорит женщина.
- Ох, женщина. Да ты девчонка, тебе, наверное, лет восемнадцать.
- Я старше тебя. Правда ненамного, – подумав, прибавила я. – А если ты мне не веришь, пойди и посмотри на себя в зеркало, пока оно не занавешено.
- Ну, вот, опять начинаешь свой бред про похороны?
- Знаешь, ты просто свинья. Я так старалась тебя спасти. А ты обзываешь меня сумасшедшей, орешь на меня...

– Ты тоже на меня орала.

– А что мне еще оставалось делать? – с обидой сказала я. – Я ведь борюсь за тебя.

Он вдруг перегнулся через стол, положил мне руку на плечо и виновато заглянул в глаза.

– Ну, хорошо, не обижайся, я, в общем-то, понимаю это и ценю, но представь себя на моем месте. Если бы кто-нибудь пришел к тебе и говорил такое, ты бы поверила?

– Знаешь, я не из легковверных и всегда требую доказательств, но если мне их предъявляют, я не настолько ограничена, что закрываю глаза и упорно твержу, что этого не может быть.

Он снова засмеялся.

– Вот видишь, какой выбор ты мне оставляешь: или поверить тебе или признать себя ограниченным. Ладно, ты мне все еще не сказала, зачем тебе это было надо.

– Что именно?

– Ну, вот спасти меня. Ты же меня до этого не знала.

– Я слышала твою музыку по радио и еще тогда думала о тебе, пыталась понять, почему ты пишешь такую грустную музыку. А потом мне дали в редакции это задание, и я подумала, что это судьба, и мы, наконец, увидимся и сможем поговорить. А потом, когда я пришла, то увидела, что опоздала. Мне было так горько и обидно, я была просто в отчаянии. А потом она начала там рыдать на всю улицу, но я заметила, что она рыдает, а сама поглядывает по сторонам, какое она производит впечатление. Я подошла к ней и заглянула ей в глаза. Там не было горя, только самодовольство. А ты уже лежал в гробу, совершенно беспомощный и ничего не мог исправить. Тогда я решила, что это неправильно. Ты не должен был умереть из-за нее. И я решила, что верну тебя. Наверное, это было угодно богу, потому что какие-то странные силы подсказали мне, что нужно делать. Все, – отрезала я, – больше я ничего тебе рассказать не могу.

– Да, – выдохнул он, – ну и дела.

– Послушай, – снова начала я, – вот ты сейчас точно следуешь теореме Оккама. Ты пытаешься все, что я говорю, объяснить естественными причинами. У тебя не получается. А ты попробуй поверить мне, и все сразу встанет на свое место.

– Ну, вообще-то это так, – подумав, нехотя признал он.

– Но ты не мучайся. Для меня главное не то, веришь ты мне или нет. Для меня главное совсем другое.

– Да? Ну и что для тебя главное?

Ну, вот и наступил этот самый важный момент. Я положила свою руку на его и, глядя ему в глаза, сказала с нажимом и как можно убедительней.

– Главное, чтобы ты жил.

– Почему? – тихо спросил он.

– Потому что ты единственный и необыкновенный, и твоя жизнь слишком большая ценность, чтобы бросаться ею ради женщины, которая даже неспособна понять и оценить тебя и твой талант.

Я ожидала, что он опять вспылит и бросится защищать ее, но он промолчал и задумался, а потом спросил, с иронией придав своему голосу иронический оттенок:

– Ну, а ты, конечно, способна понять и оценить меня и мой талант?

– Знаешь, тебе совсем не обязательно хамить мне, – обиделась я. – В конце концов, ты прав. Это твоя жизнь и можешь делать, что хочешь, а я уйду.

Я даже встала со стула, но я блефовала. Я бы все равно никогда так просто не ушла, но момент был рискованный, и у меня замерло сердце.

– погоди, – он тоже вскочил и схватил меня за руку. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Не уходи, мы же с тобой еще не договорили.

Я потихоньку вздохнула с облегчением, но постаралась сохранить обиженное лицо.

– Ну, извини, – еще раз повторил он, – не обижайся. И вообще, какой же ты мой ангел-хранитель, если собираешься уйти и бросить меня? Тебя же послали меня спасти.

Он старался говорить шутливо, но глаза смотрели на меня тревожно. Он даже приобнял меня за плечи, как – будто старался удержать.

Да ведь он же боится, что я уйду, вдруг дошло до меня. Я, это единственное, что отделяет его от смерти. Если я уйду, ему придется принять эти таблетки, а ведь он не хочет этого. Острая жалость к нему пронзила мне сердце.

– Ленечка, бедный мой мальчик, – вырвалось у меня и я неожиданно для себя обняла его. Он нагнулся и прижался щекой к моей щеке, а я стала гладить его по голове. Так мы простояли несколько минут молча. Я чувствовала его дыхание на своей шее, чувствовала тепло его тела. Он казался мне таким беззащитным, я готова была отдать жизнь, чтобы защитить его.

– Глупый, глупый, ты мой ребенок, – тихо шептала я ему. – Ну, зачем ты придумал все эти ужасы на свою голову? Ну, ничего, ничего. Теперь это все прошло, теперь у тебя все будет хорошо.

Он вдруг поднял голову.

– Ну, вот, – серьезно сказал он. – Зачем же ты меня оскорбляешь?

Я растерялась.

– Разве я оскорбляю тебя?

– Конечно, – подтвердил он. – Обзываешь ребенком, ни с того ни с сего.

Я пригляделась к нему повнимательней. Глаза его смеялись, и, вообще, он выглядел значительно повеселевшим. Видно, он, наконец, понял, что ему не предстоит умирать сегодня, и словно тяжелый груз слетел с его плеч.

– Я, – продолжал он, – совсем даже не ребенок.

– Да, – радуясь перемене в нем подхватила я, – ты львенок, а не ребенок...

– Клянусь душой, – закончил он. И очень довольный прибавил:

– Вот видишь, я читаю книги.

– Хороший мальчик, – покровительственно сказала я.

– Ах, вот как ты со мной разговариваешь. Тогда не будете ли вы так добры, взрослая тетенька, сказать, сколько вам лет? Что-то мне не кажется, что вы старше.

– Ну вот, разве женщинам задают такие вопросы?

– Так то женщинам не задают. А таким девчонкам как ты можно.

– Ну, если тебе так хочется знать, то мне скоро двадцать два. А тебе, между прочим, двадцать.

– Подумаешь, два года разницы, это ерунда. А я уже и вправду подумал, что ты жила при Александре Македонском.

– Я что, так старо выгляжу? – поинтересовалась я.

– Нет, но ты же ангел. Откуда мне знать, как у ангелов года считаются. Да, а вот еще вопрос, – совсем повисел он. – Ангелы пьют кофе или по старинке все только нектар с амброзией?

– Кофе тоже пьют, – успокоила я его, – можешь предлагать.

– Вот и хорошо, давай хоть кофе выпьем, а то я с тобой уже замучался.

– Ничего себе, – возмутилась я. – это кто еще с кем замучался.

– Ну, хорошо, хорошо, пусть будет, что ты со мной, – засмеялся он. – Главное, что у меня есть отличный кофе. Я тебе сейчас покажу.

В университете, мы изучали психологию, и я знала, что душевные страдания не могут продолжаться бесконечно. Когда они достигают критической точки, срабатывает система самозащиты, и человек как бы отключается от них и наступает релаксация. Конечно, это временное облегчение, он еще будет страдать, но сейчас его боль затихла, и он счастлив и весел. Ничего,

время лечит, он забудет ее. А я уж постараюсь помочь ему. Но я еще не все сделала сегодня, остался еще один очень важный момент.

– Леня, – просительно сказала я, – Перед тем, как мы пойдем варить кофе, можно мне что-то сделать?

– Что ты имеешь в виду? – он подозрительно посмотрел на меня.

– Нет, ты сначала скажи, что можно.

– Ну, хорошо, давай, – подумав, согласился он.

– Я должна забрать у тебя таблетки, – выпалила я.

По его лицу пробежала тень.

– Вообще-то, в этом нет необходимости, я... – он замялся.

– Бережного бог бережет, – твердо сказала я. – так я заберу?

– Ну, если ты так хочешь... Хорошо, я сейчас принесу их.

– Нет, – упрямо сказала я. – Я сама возьму. Скажи, где они лежат.

– Хочешь убедиться, что я все тебе отдам? – догадался он.

– Да. Откуда я знаю, может, у тебя еще что-нибудь есть.

– Тогда тебе нужно забрать все колюще-режущие предметы, – невесело пошутил он.

– Если надо будет, заберу, – я была тверда как камень.

– В общем, хочешь сделать шмон?

– Да, – я стояла на своем.

– Ладно, пошли в ванную. Они там в шкафчике.

Он открыл дверь в ванную и пропустил меня вперед. Она была крохотной. Ванна занимала ее большую часть. Узенький проход вел к раковине, над которой висел шкафчик. Я решительно направилась к нему. Внутри лежали многочисленные лекарства, мыло, зубная паста.

– Вот они, – он показал на флакон, наполненный таблетками. Я быстро схватила роковое лекарство и сунула в карман джинсов.

– Ну, что еще ты собираешься забрать? – насмешливо спросил он.

Он стоял сзади, почти вплотную ко мне, и я чувствовала его близость каждой клеточкой своего тела. Но сейчас передо мной стояла важная задача обезопасить его, и я не могла отвлекаться.

– Это аспирин, – он протянул руку поверх моей головы и стал показывать мне лекарства. – Это энтросептол, это, пардон, средство от запора...

– А это что? – Я коршуном кинулась на таблетки анальгина. На вид их было штук тридцать. В таком количестве они были опасны, и я не собиралась их ему оставлять.

– Э, это всего лишь анальгин, что ты делаешь? – удивился он, видя, что я прячу и это лекарство в карман.

– Это я тоже не могу тебе оставить, – сурово сказала я.

– А что я родителям скажу, если у них живот заболит? – заныл он. – И вообще, лекарство денег стоит.

– Деньги я верну, – все тем же суровым тоном ответила я. – Скажи спасибо, что я оставляю вам средство от запора. Ну, ладно, пока все.

Я повернулась и неожиданно мы оказались совсем близко друг к другу, лицом к лицу. Наступила пауза. Его губы были совсем рядом. Я видела, что ему хочется поцеловать меня, но он не решается. Я даже понимала, почему. Всего лишь час назад он собирался умереть из-за любви к другой. Он боялся, что я буду смеяться над ним.

– Знаешь, а я ведь даже не знаю, как тебя зовут, – вдруг с удивлением сказал он. Но только я хотела назвать свое имя, он жестом остановил меня.

– Не нужно имени, – сказал он. – Ты ведь мой ангел-хранитель. Я буду называть тебя ангел.

– Я что, похожа на ангела? – спросила я.

Он отступил на шаг и окинул меня оценивающим взглядом.

– Во всяком случае, ты достаточно хорошенькая для этого.

Наконец-то, оценил, обрадовалась я.

– Ладно, при таком условии, я согласна.

– Тогда все, ангел, пошли пить кофе, – скомандовал он, и, легонько обняв меня за плечи, повел в кухню.

– Вот, – с детской гордостью он продемонстрировал мне там явно иностранную вакуумную упаковку с зернами кофе. – Ты когда-нибудь видела такое? Это двоюродный брат отца присылает нам из Израиля. Настоящий арабика.

Я, конечно же, выразила максимум восхищения столь замечательным кофе, и он, страшно довольный, вскрыл упаковку и пересыпал часть зерен в кофемолку. По кухне тут же поплыл совершенно одуряющий запах. Мне нестерпимо захотелось кофе.

– Давай я пока джезvu наполню, – чтобы ускорить дело предложила я. И тут такое началось. Он даже выключил кофемолку и несколько секунд молча уничтожил меня взглядом, а потом возмущенно сказал.

– Женщина, знай свое место. Неужели ты думаешь, что я доверю тебе варить кофе? Женщины могут варить борщ, но настоящий кофе никто из них варить не умеет. Сядь и помолчи.

Пожав плечами, я уселась за стол, а он еще некоторое время продолжал молотить зерна, время от времени проверяя, что получилось и что-то бормоча себе под нос. Наконец, полученный результат его, по-видимому, удовлетворил, так как он выключил кофемолку и пересыпал все из нее в джезvu.

– Вот видишь, – снисходя к моему невежеству, попутно объяснил он, – зерна не должны быть смолоты в порошок. Хороший кофе должен быть грубого помола.

Потом он стал тщательно отмерять воду, а я смотрела на него и думала, какой же он еще ребенок. Как только это ребячество могло сочетаться с такой решимостью. И каким характером нужно обладать, чтобы довести до конца решение покончить с собой.

Неожиданно он повернул голову и, поймав мой взгляд, смущенно засмеялся.

– Ладно. Не смотри на меня как на дурачка. Это один турок научил меня так готовить кофе.

Вот увидишь, как здорово получится.

Он поставил джезvu на огонь и стал внимательно смотреть в нее.

– Ну, и что там такого особенного ты делаешь, что мне нельзя было доверить? – не выдержала я.

– Сейчас увидишь. Вода не должна кипеть. Нужно внимательно смотреть, и когда она вот-вот будет готова закипеть, нужно быстро выключить, немного подождать и снова включить. И так три раза.

– Ничего себе, и ты каждый раз вот так дурью маешься? – удивилась я.

– Ага, – машинально ответил он, но тут же спохватился и грозно посмотрел на меня.

– Женщина, молчи, – потом сам не выдержал и засмеялся. – Ладно, я вижу тебя все равно ничему не научишь, лучше открой холодильник и достань пирожные. Мама напекла перед уходом.

Я открыла холодильник. Там стояло целое блюдо очаровательных маленьких эклеров, часть из которых была посыпана сахарной пудрой, а часть покрыта шоколадной глазурью.

– Ой, красота какая, – вырвалось у меня. – так у тебя все время были эти пирожные, а ты собрался умереть, – хотела сказать я, но в последний момент поняла, что лучше больше сегодня не говорить об этом, и тут же переменяла окончание предложения.

...а ты мне даже и не предлагал, – удалось мне продолжить без малейшей запинки.

– Я боролся с собой, – гордо сказал он не отводя глаз от кофе, – и видишь, наконец-то...

– ...сумел оторвать их от сердца, – подсказала я.

– Точно, – засмеялся он. – Все, можно выключать окончательно.

– А сахар ты разве сыпишь не в джезву, а в чашку? – наивно поинтересовалась я на свою голову, и вызвала опять бурю возмущения.

– Да кто же пьет такой кофе с сахаром? Сахар не просто изменяет вкус кофе, он забивает его, он, если хочешь знать, просто уничтожает его.

– Так ведь без сахара он же горький как хинин, – попробовала защищаться я.

– А ты сначала попробуй, а потом будешь говорить, – мой любимый был неумолим. – Сейчас я добавлю немного соли и через минуту можно будет разливать.

– Чего ты добавишь? – не поверила я своим ушам.

– Соли. Это для того, чтобы гуща быстрее осела, – объяснил он, действительно добавляя соль. – Кстати, чего ты сидишь? Можешь уже достать чашки и блюда.

– Я, между прочим, здесь гость, – возмутилась я.

– Ну, хорошо, хорошо, я сам.

Он достал маленькие чашечки, налил в них кофе, потом уселся напротив меня и очень довольный сказал:

– Ну, давай, пробуй.

Я с опаской поднесла ложечку к губам. Кроме того, что кофе был очень горячий, еще и горечь была несусветная.

– Ну, как? – явно рассчитывая на мой восторг, спросил он.

– Ужасно, – честно ответила я. – То есть, запах, конечно, чудесный, но уж очень горько. Можно хоть одну ложечку сахара добавить?

– Ой, ну ладно, на, бери свой сахар.

Очень расстроенный, он поднялся, вытащил сахарницу и демонстративно поставил ее возле меня.

– Зря я так старался для тебя. В следующий раз, когда придешь, будешь пить ячменный напиток «Дружба», вместо кофе.

В следующий раз, отметила я про себя. Если он говорит о следующем разе, значит, мои дела идут неплохо.

– Я принесу с собой свою банку с кофе.

– Ага, сорта «Кофе молотый». И добавишь в него семь ложек сахара.

– Пять, – поправила я. – Я всегда кладу пять.

Он только с обидой взглянул на меня и промолчал. У меня защемило сердце, так стало его жалко. Действительно, что же это я? Мальчик так старался произвести на меня впечатление, а я?

– Я пошутила, – смиренно сказала я. – Конечно, я не буду добавлять сахар в такой кофе.

– Умница, – обрадовался он. – Это только сначала кажется горько, но постепенно ты привыкнешь. Вот увидишь, ты потом сама не захочешь класть сахар.

– Ну, хорошо, хорошо, только не расстраивайся, ребенок, – засмеялась я.

– Хм, значит, я, по-твоему, ребенок?

С минуту он загадочно и серьезно смотрел на меня, а потом вдруг встал, взял свой стул и поставил ближе ко мне. Я с удивлением смотрела на него, не понимая, что он собирается делать. Он уселся на стул лицом ко мне, наклонился и, взяв мою голову в руки, прижался своими губами к моим в долгом поцелуе.

Хотя я ни с кем никогда долго не встречалась и ничего серьезного не допускала, целоваться мне уж точно приходилось, и неоднократно. И надо сказать, что ничего приятного я в поцелуях не находила: в лучшем случае они оставляли меня равнодушной, в худшем было просто противно чувствовать на своем лице чужие слюнявые губы. Но с ним все было по-другому. Его губы были теплыми и нежными, и мне хотелось, чтобы этот поцелуй продолжался

вечно. Но потом вдруг зародилось какое-то неясное чувство обиды. Почему он меня целует? Потому что та, любимая, далеко, а я под рукой? Сейчас скажу ему это.

Но когда он оторвался от моих губ, то прошептал:

– Какие у тебя нежные губы.

И снова стал целовать меня. Я обняла его, чувствуя себя самой счастливой. Но привычка к самокопанию взяла верх, и я снова засомневалась, не покажусь ли я ему слишком легкой добычей. Он оказался необычно чутким. Сразу почувствовал мое отчуждение и, перестав целовать, тревожно заглянул мне в лицо.

– Ты обиделась? Я что-то сделал не так?

– Нет, просто..., – я запнулась, не зная, что сказать дальше.

– У тебя есть кто-то? Жених? Парень?

– Я отрицательно покачала головой.

– Правда? – обрадовался он. – Странно, ты ведь очень красивая. Ты, наверное, многим нравишься.

– Ну, так ведь нужно, чтобы и мне кто-то нравился.

В его глазах отразилась неуверенность.

– Интересно, что же нужно, чтобы тебе понравиться? – деланно небрежным тоном спросил он.

– Тебе, например, нужно всего лишь быть живым, – серьезно сказала я ему.

– Ну, так я и живой, – обрадовался он.

– Но ты ведь любишь Лену, – полуутвердительно-полувопросительно сказала я.

– А, это, – он погрустнел и задумался. – Понимаешь, я и сам толком не знаю. Когда были вместе, казалось, что любил, но, скорее, просто привык к ней. Все-таки два года вместе. Потом, когда она меня бросила, вдруг образовалась такая пустота. Понимаешь, с родителями у меня вообще нет общего языка. Они считают, что если человек накормлен, одет более или менее прилично, есть где жить, значит, он просто обязан быть счастливым. А всякая психология, чувства, переживания, это все ерунда и баловство. А в последнее время мы с ними вообще только ругались. Я в училище почти не ходил этот месяц, запустил все, ну, они и начали меня упрекать, что я не учусь, у них на шее сижу, а все свои деньги на нее потратил. И правильно она сделала, что меня бросила, все равно из меня толку не будет. В училище, понятно, тоже одни неприятности. Мне на него вообще плевать, но без этого диплома в консерваторию даже документы не принимают. В общем, со всех сторон ничего хорошего, ну я и решил, что лучше возьму и со всем сразу покончу. По крайней мере, моим родителям на одного кормить меньше будет.

– Ну, что ты говоришь, твои родители тебя любят.

– Да? Странная какая-то любовь у них. Видят, что человеку и так плохо, но норовят еще и нож в ране повернуть. Нет, я думаю, плакать по мне особо некому.

– Между прочим, еще есть я, – напомнила я ему.

– А ты не исчезнешь?

– В каком смысле?

– Ну, уйдешь, и я больше тебя не увижу. Знаешь, ты все-таки скажи, где тебя искать, а то я тебя и найти не смогу.

Он старался говорить шутливым тоном, но глаза были тревожными.

– Я преподаю английский в 6-й школе. Английской.

– А где ты английский выучила?

– Я университет закончила.

– А газета? Ты это придумала про интервью?

Я вытащила из кармана джинсов удостоверение внештатного корреспондента и помахала перед его носом.

– Я, мой милый, никогда не вру.

– Так ты хочешь сказать, что все остальное, о чем ты говорила, тоже правда?

Он попытался насмешливо улыбнуться, но улыбка вышла кривой, а голос дрогнул и прозвучал хрипло. Я внимательно посмотрела на него. В его глазах появился испуг. До него вдруг стало доходить, что, может быть, я не вру, и он действительно умирал и лежал в гробу. Его взгляд стал напряженным, как будто он пытался что-то вспомнить, и вдруг я увидела, что его глаза широко раскрылись и наполнились ужасом. Я почти чувствовала, как откуда-то из глубины подсознания в его душу проникают смутные воспоминания о долгой и одинокой агонии, полной боли, тоски и отчаяния. Он побледнел, тяжело задышал и, наконец, когда эти воспоминания стали совсем мучительными, закрыл лицо руками, как бы стараясь защититься от них. Меня пронзило страшное чувство жалости и вины. Я бросилась к нему, обняла его и стала целовать его лицо, руки, волосы.

– Нет, нет, это все неправда, – плача, торопливо зашептала я ему. – Ничего этого не было, не было смерти, не было гроба, ты не умирал, я это все придумала, прости меня, прости меня, пожалуйста. Ты никогда больше не будешь один, я буду всегда возле тебя, я люблю тебя, мой дорогой, милый, любимый.

Я отняла его руки и стала гладить его лицо, заглядывая ему в глаза. Постепенно его взгляд стал осмысленным, лицо снова стало смуглым, он глубоко вздохнул, как бы сбрасывая наваждение и посмотрел на меня. Я попыталась улыбнуться ему сквозь слезы. Он обнял меня, мы прижались друг к другу, и я все говорила, говорила, как я люблю его. Наконец, он совсем успокоился, поднял голову и виновато улыбнулся мне.

– Ну, вот, теперь ты будешь думать, что я псих. Черт, сам не знаю, что это было. Знаешь, – как-то удивленно сказал он, – я вдруг почувствовал... – он запнулся, но все-таки решился выговорить, – дыхание смерти. До этого я просто как-то и не думал, что это значит, умереть, а тут, – он снова побледнел и растерянно проговорил, – я как будто бы заглянул на тот свет.

– Не нужно говорить об этом, пожалуйста, не нужно, – мои глаза снова наполнились слезами, – ты не умрешь, я забрала эти проклятые таблетки, и я буду с тобой, пока не пройдут эти проклятые восемь часов. Прости меня, это все из-за того, что я наговорила тебе, но это все неправда.

Но он только посмотрел на меня каким-то новым мудрым взглядом и покачал головой. У меня замерло сердце, неужели он действительно вспомнил? Я заглянула ему в глаза. Он сел, притянул меня к себе и посадил на колени.

– Глупенькая, ну что ты извиняешься? Ты же спасла меня. Что бы было, если бы ты не пришла, не сердилась, не кричала бы так на меня? Это я должен тебе спасибо сказать, что ты спасла меня.

Некоторое время мы молча сидели, прижавшись друг к другу. Потом он вдруг легонько приподнял мою голову за подбородок и спросил:

– А то, что ты сейчас мне говорила, это тоже правда?

– Что? То, что я люблю тебя? – храбро спросила я.

Он только молча кивнул, не отводя взгляда.

– Да, – твердо ответила я. – Я люблю тебя. Иначе, чего бы я так воевала за тебя? Ты что думаешь, что я ко всем врываюсь в дом, и такое устраиваю?

– Очень надеюсь, что нет, – он засмеялся и снова прижал мою голову к груди. – И что никому больше такого не говоришь, на это я тоже надеюсь. И, кстати, не забудь, что ты обещала быть со мной всегда, и не покидать меня ни на минуту.

– Не думаю, что твоим родителям это очень понравится, если я поселюсь у вас, – засмеялась я.

– А знаешь, – вдруг серьезно сказал он. – Моим родителям это должно даже очень понравиться.

– С чего бы это?

– Да ведь ты же из наших, как мой папа говорит. Из наших, да? Ты понимаешь, о чем я?

– Ну, конечно, – засмеялась я. – Мои родители точно также говорят, только по латыни «экс нострис».

– Ну, вот, – довольно кивнул он. – Но это первое. Второе, ты интеллигентная девочка из приличной семьи, это сразу видно. Кто твои родители?

– Ну, папа адвокат, а мама стоматолог.

– Вот видишь. Ну, а еще ты закончила университет. Я думаю, мои родители будут от тебя в восторге. Уж чего, чего, но такого они от меня не ожидают. Я ведь у них непутевый сын.

– Почему непутевый?

– Ну, друзья у меня все фарцовщики, училище я прогуливаю, ну и... в общем, все остальное им тоже не нравится.

– Если бы мой сын училище прогуливал, я бы его тоже ругала, а за... все остальное, вообще убила бы.

– Однако я смотрю, ангел, характер у тебя далеко не ангельский, – хохотнул он, – а даже наоборот, агрессивный. Или, может, ты просто голодная? Ох, – спохватился вдруг он, – что же это я? Пирожные велел вытащить, а есть их не даю. И про кофе мы с тобой забыли.

– Да, – неохотно вставая с его колен, отозвалась я. – Но мы можем сейчас его выпить. Он, наверное, еще теплый.

– Теплый, кто же пьет кофе теплым? Теперь уже можешь насыпать в него сахар, все равно пропал. Ладно, бери пирожные.

– А можно я сначала руки помою?

– Ну, если тебе уже совсем невмоготу, можешь помыть, – великодушно разрешил он.

– А тебе разве не надо руки мыть?

– У меня, между прочим, руки от рождения чистые, – нахально заявил он. Но потом рассмеялся, – ну, хорошо, я тоже помою, а то будешь думать, что я и вправду никогда рук не мою.

Мы снова пошли в ванную. Я первая помыла руки и посторонилась, пропуская его. Мы опять оказались прижаты друг к другу, и он, не выдержав, обнял меня, крепко прижал к себе и стал быстро и нежно целовать. Я почувствовала его возбуждение. Вдруг он резко отстранился, посмотрел мне в глаза и тихо спросил:

– Хочешь побыть со мной?

Я хотела этого больше всего на свете. Я мечтала об этом с тех пор, как увидела его и еще тогда, когда даже не видела, а только придумывала его. Я хотела быть его всей душой, каждой клеточкой своего тела, но... я не могла этого сделать. Моя дурацкая гордость, или, может быть, мнительность не позволяли мне.

– Ленечка, – как можно мягче сказала я. – Я бы хотела, но я не могу. Ты ведь любишь другую. Просто ее здесь нет, а я под рукой, так ведь. Да?

Такой бурной реакции я не ожидала. Он мгновенно отпустил меня и даже отступил на шаг, – Как ты можешь так говорить? Я же тебе объяснял, что дело даже вовсе было и не в ней, а просто все так запуталось...

– Леня, а если завтра она вдруг вернется к тебе, ты уверен, что не простишь ей все и не захочешь снова быть с ней? А что тогда буду чувствовать я? Понимаешь, есть женщины, для которых все это, что стакан воды выпить, но я не отношусь к таким. Ну, что я могу сделать?

Давай подождем с этим, пока я точно не буду знать, что тебе нужна именно я.

– Глупенькая, – очень серьезно сказал он, – да я с ума схожу от нежности к тебе, а ты этого не видишь.

Ну, вот и все. После этих его слов я почувствовала, что готова на все, что сделаю для него все, что он захочет, и буду ласкать его как угодно, только бы ему было хорошо. Я решительно шагнула к нему, но теперь уже он покачал головой и нежно поцеловав меня в висок, сказал:

– Ты права. Я никогда не захочу больше вернуться к ней, но я должен сначала доказать тебе это. Даже если я скажу тебе сейчас, что люблю тебя, ты мне не поверишь. Уж очень быстро все произошло. Но ты сама это увидишь, потому что мы с тобой теперь всегда будем вместе. Не нужно спешить, у нас с тобой еще много времени впереди.

– Да, – счастливо повторила я, – У нас с тобой еще много времени впереди.

И ни он, ни я тогда не знали, что у нас нет никакого времени впереди, что на часах уже без четверти восемь, и нам осталось быть вместе ровно пятнадцать минут. Никакое предчувствие не омрачало нашу любовь, таблетки были надежно спрятаны, я охраняла его, и совершенно счастливые, закончив мыть руки, мы, обнявшись, пошли в кухню.

– Между прочим, хоть ты и твердишь все время, что ты меня старше, опыта у меня побольше, чем у тебя, это я уже успел заметить, – самодовольно сообщил он мне по дороге.

– Это смотря какого опыта, – выкрутилась я.

– Любого. Люди называют опытом свои ошибки, а я называю опытом интуитивное познание жизни, – торжественно провозгласил он.

– Это сказал не ты, а Оскар Уайльд.

– Черт, все ты знаешь, – засмеялся он, – тебе нужно на руке сделать татуировку «Я все знаю».

– Как у Санди Пруэля?

– И это ты знаешь?

– Грин вообще мой любимый писатель.

– Мой тоже, – обрадовался он. – Ну, вот видишь, мы все-таки читаем одни и те же книги. Слушай, а не устроить ли нам с тобой праздничный ужин по поводу нашей встречи? Мне мама там столько наготовила на два дня, а я ни до чего даже не дотронулся.

– Ну, вообще-то, я тоже сегодня ничего не ела, мне было не до этого.

– Ну, тогда гуляем. Что тут у нас в холодильнике?

Не знаю, может, его родители действительно не проявляли достаточной чуткости к его переживаниям, но о том, чтобы он не умер с голоду, они точно заботились.

– Смотри, сколько мама тебе всего наготовила. А ты говоришь, что она тебя не любит.

– Так я же не говорил, что она мне хавать не дает.

– Хавать, – презрительно сморщила нос я, повторяя грубое слово.

– Так, училка, – с наигранно свирепостью сказал он, – ты давай там своих учеников воспитывай, а взрослого мужчину не трогай. Лучше давай проверим, что у нас есть.

Проинспектировав наши запасы, мы остались очень довольны.

– Так, ставим все, потому как гулять, так гулять, а не гулять, так не гулять, – сказал он. – Накрываем в гостиной. Возьми вон там, в серванте скатерть, тарелки, в общем, будь как дома. С вином только, кажется, будет проблема. У меня отец не пьет.

– А ты?

– Я тоже, но сегодня у нас праздник. Ага, вот есть какая-то бутылка. «Каберне», так, нормальное вино, носи на стол и приходи за всем остальным.

– А ты что, интересно, будешь делать? – как ярая феминистка возмутилась я.

– А я подогрею курицу и нарежу хлеб. Не пропадать же чистым рукам. О, и котлеты еще нужно нагреть, видишь, львиную долю работы я взял на себя, как истинный офицер и джентльмен.

Я вышла в гостиную и стала доставать посуду. Идеально выглаженная накрахмаленная скатерть действительно нашлась в серванте. Там же стояли и чистейшие тарелки и бокалы.

Его мать, наверное, целыми днями после работы только убирает и готовит для своих мужчин. Конечно, откуда у нее еще возьмутся силы, время и терпение вникать в их проблемы.

Я стала ставить все на стол. За окном небольшая компания громогласно выясняла отношения. Особенно выделялся визгливый голос какой-то девицы, кокетничавшей с кем-то, кого она называла Вовкой. Она то сюсюкала с ним голосом маленькой девочки, то заливисто и нарочито весело хохотала, явно стараясь привлечь чье-то внимание. По мере того, как я выходила в кухню и снова возвращалась, тон их разговора менялся. Речь явно пьяного Вовки стала угрожающей, второй, Серега, как они его называли, пытался его урезонить, а голос девушки стал испуганный.

Нечего заводить было пьяного мужика, подумала я, нашла с кем кокетничать. Получит теперь от него по морде, в следующий раз будет умнее.

В это время Леня внес в комнату блюдо с курицей.

– Дичь, – торжественно объявил он.

За окном Вовка явно перешел к насилию, и девица стала тщетно взывать к Сереге, который никак не мог успокоить своего дружка. Ее голос постепенно стал плачущим и невыносимо визгливым, и начал действовать мне на нервы.

– Черт, ну что там такое? – с досадой сказала я и подошла к окну. На противоположной стороне улицы пышная блондинка тщетно пыталась вырвать руку у здорового пьяного парня, который тащил ее куда-то. Через минуту до меня дошло, что это Лена.

Господи, что я наделала, с ужасом подумала я и быстро повернулась, чтобы заслонить собой окно. Но было поздно. Леня поставил блюдо на стол и тоже подошел к окну. Лицо его окаменело, и он резко повернулся, собираясь бежать на улицу. Я схватила его за руку.

– Что ты сделаешь? – я попыталась его остановить, – там же два здоровых амбала. Ты же не справишься с ними.

– Не бойся, я два года занимался карате в школе, – самоуверенно сказал он на ходу и бросился бегом из комнаты. На секунду, правда, он остановился.

– Ты только не думай, что я возвращаюсь к ней. Я люблю тебя, но я же должен ей помочь, ты же сама понимаешь.

Я снова бросилась к окну. Он подбежал к обидчику, схватил его за плечи и отшвырнул в сторону. Пока тот с трудом поднимался на ноги, на Леню бросился второй, но тоже отлетел от удара ногой. Кажется, он справляется, немного успокоившись, подумала я, хотя они его, конечно, в конце концов, отлупят. Ничего, пусть получит за свою Леночку.

Но тут мой взгляд случайно упал на часы, и я с ужасом увидела, что стрелки застыли ровно на восьми часах. Меня словно ветром вынесло из квартиры. Я кубарем слетела по лестнице и побежала к дерущимся. По дороге я только успела заметить, как зажав что-то в руке, Вовка с силой ударил Леню в грудь, как раз там, где сердце. Он сразу же отнял руку, и я с ужасом увидела ручку ножа. Леня схватился за грудь и начал медленно оседать на землю. Я подбежала, наклонилась, схватила его за плечи. Он посмотрел на меня в последний раз, и в глазах его стоял самый настоящий укор.

– Ну, что же ты, ангел? – беззвучно прошептали его губы, а потом его взгляд погас.

– Я спасу тебя. Я снова спасу тебя, – в отчаянии тихо сказала я ему, глядя в дорогое и опять мертвое лицо. – Я же знаю, ты меня слышишь, я обещаю тебе, я снова спасу тебя. Я все равно не дам тебе умереть.

Рядом истерически начала кричать Лена. Я повернула голову. Убийцы исчезли, а к нам отовсюду бежали люди. Один мужчина кричал:

– Я уже вызвал милицию, я уже вызвал милицию. Они сейчас будут, здесь же милиция в двух кварталах всего. Они и скорую помощь привезут.

Выражение лица у него было самое счастливое. Он просто захлебывался от счастья, что ему довелось поучаствовать в таком событии. Не каждый день ведь случаются убийства прямо возле дома, но сегодня ему повезло.

Набежавшая толпа оттеснила меня от Лени. Женщины кинулись ухаживать за рыдающей Леной, кто-то нес ей валерьянку, кто-то протягивал стакан с водой. Одна женщина, самая жалостливая, наверное, вытирала ей лицо мокрым полотенцем.

Милиция действительно приехала удивительно быстро. Почти одновременно прибыла и «скорая помощь». Врач выскочил из нее на ходу и бегом кинулся к Ленечке. Он наклонился над ним, но уже через несколько минут встал и пожал плечами. Потом он отошел в сторону и закурил. Один из милиционеров стал расспрашивать Лену. Я слышала, как она, всхлипывая и заикаясь, называет свою фамилию и адрес. Другой милиционер, который говорил по рации, вдруг произнес ужасное слово «труповозка». Я почувствовала, что не могу больше, повернулась и, выбравшись из все увеличивающейся толпы, побрела домой. Проходя мимо его подъезда, я на минутку остановилась, не зная, что делать. Его квартира осталась открытой, с включенным светом, с накрытым столом. Я вспомнила, как радостно мы готовили наш праздничный ужин всего лишь несколько минут назад, и почувствовала, как сжалось горло и глаза наполнились слезами. Но я только сжала зубы и пошла дальше. Я не Лена и не стану истерически рыдать для публики. Я сделаю другое. Я снова верну время и спасу его. И неважно, что сегодня случится с его квартирой. Все равно завтра все вернется на круги своя. Завтра снова будет пятница, и он снова будет живой. Вот только, что мне делать? Опять прийти к нему незваной гостьей, совершенно незнакомой? И опять рассказывать ему о похоронах, уговаривать не глотать таблетки? А как же с его второй смертью? Нет, теперь уже ни о чем таком говорить нельзя. Он точно примет меня за сумасшедшую. И еще одно. Как я смогу выдержать, что он будет смотреть на меня как на совершенно чужую незнакомую женщину? И о чем, о чем я могу теперь с ним говорить? Ну, предположим, я опять повторю все свои доводы, уговорю не глотать таблетки, а потом Лена снова придет с этими парнями к его дому. Все ведь повторится, я же не могу ей запретить явиться туда. И чего она пришла именно к его дому, и зачем разговаривала и хохотала там так громко? Явно для того, чтобы он ее услышал. Конечно, она не ожидала такого исхода, но зачем-то он был ей нужен. Зачем? У нее ведь уже есть другой жених. Но, однако, она была там не с женихом, а с какими-то другими парнями, а жениха и близко там не было. Стоп, а если жених ее уже бросил, или она поняла, что он не собирается на ней жениться, то тогда понятно, чего ее туда принесло. Она же хотела помириться с Леной. Зайти к нему она постеснялась, так как не знала, может, его родители дома, а таким способом хотела вызвать его на улицу. Ну, вот, из этого вытекает, что пришла она не случайно, и в следующий раз опять придет. Что же мне делать?

В таких размышлениях я незаметно дошла до дому. Вообще-то, я еле держалась на ногах, но перед своим домом собралась и заставила себя выглядеть спокойной и даже веселой. Мне еще не хватало, чтобы мама накинулась на меня с расспросами или окружила заботами. Что мне сейчас нужно, это покой, чтобы я могла придумать что-нибудь толковое. Но ничего толкового на ум не приходило. Поев и избавившись, наконец, от маминых хлопот, я прилегла в своей комнате на кровать и стала опять и опять прокручивать все возможные варианты. Вот я прихожу к нему снова, чтобы взять интервью, хотя меня уже тошнит только от одного слова интервью. Он отказывается, я завожусь, начинаю ему говорить о некрологе и дальше все идет, как в прошлый раз. А потом приходит Лена с двумя парнями, и... короче говоря, это все не годится. Совершенно измученная я решила поспать несколько часов, может, тогда я смогу придумать что-нибудь путное. Усталость взяла свое, и я действительно уснула, твердо приказав себе проснуться в половине двенадцатого. И проснулась с готовой идеей. Во сне мне пришло в голову, что гораздо лучше было бы нам познакомиться с ним в других обстоятельствах. Например, как будто бы случайно на улице. Это будет нетрудно организовать, я ведь знаю, где

он живет и где учится и вполне смогу столкнуться с ним по дороге. Если я понравилась ему один раз, то понравлюсь еще раз. Дело не в этом, а в том, что для этого он должен пережить пятницу. То есть, он не должен отравиться, и Лена не должна привести к нему под окно этих парней, чтобы выманить его на улицу. И лучший способ добиться этого, это убрать причины для этих поступков, то есть просто помочь Лене помириться с ним задолго до этих роковых восьми часов. Например, утром. Потом, я все равно отобью его, но если в пятницу вечером она будет с ним, это решит все проблемы. Я думаю, что я не ошиблась, и ее жених действительно бросил ее, так что уговорить ее помириться с Леной, будет совсем не трудно. Я пойду к ней утром, назовусь его двоюродной сестрой, которую очень волнует его душевное состояние. Скажу, что я живу в другом городе, поэтому она меня не видела, а сейчас я приехала к ним в гости и очень переживаю за него. Думаю, что долго уговаривать ее не придется, так как она сама хочет этого, да и, конечно, будет польщена, что ее упрашивают, что она единственная, кто может удержать его от самоубийства. Да, пойти к ней надо будет пораньше, часов в семь, иначе она может уйти на занятия. Придется позвонить Ольге, попросить ее взять мои группы на два первых урока. Скажу, что отравилась какими-нибудь консервами. На прошлой неделе я два дня брала ее детей, так что она не сможет мне отказать. У нас в школе на уроках английского языка классы делились на три группы по десять человек в каждой, так что, если нужно было отлучиться во время уроков, всегда можно было попросить учителя из параллельной группы взять твоих детей к себе на урок. Конечно, по правилам это не разрешалось, но все мы люди, и наш завуч тоже. Поэтому она смотрела сквозь пальцы на такие подмены, если они не повторялись слишком часто.

Итак, мне казалось, что выход найден. Осталось всего лишь, так сказать, малость: снова вернуть время. Я посмотрела на часы, стрелки стояли на двенадцати. В доме царила тишина. Странно, что родители пошли спать, не заглянув ко мне, и не разбудив меня, чтобы я хоть разделась и умылась перед сном. Они-то ведь не знали, что я опять собираюсь не спать всю ночь. Я решила, что мне нужно снова сесть в кресло и смотреть в темноту. Я понятия не имела, что произойдет сегодняшней ночью, но надеялась, что я снова увижу Леню. Вдруг из прихожей донесся тихий звонок телефона. Обычно телефон у нас звонил пронзительно, так что слышно во всех уголках квартиры. Но этот звонок был приглушенный. Он не доносился до родительской спальни, которая была отделена от прихожей большой гостиной, а был слышен только в моей комнате. Этот звонок явно предназначался только для меня. У меня вдруг мелькнула безумная надежда, что это звонит он, Ленечка. Я бросилась в прихожую и схватила трубку, но прежде, чем я даже успела сказать «алло», я услышала такие странные звуки, от которых у меня волосы встали дыбом. На фоне каких-то непонятных шумов, шипения, потрескивания раздавался мерный стук барабана, и мужской голос внятно произносил «ха-ха-ха-ха-ха». Он не смеялся, а именно произносил этот слог пять раз, на секунду замолкал, а потом начинал снова. Причем это происходило с такой равномерностью и безликостью, что можно было заподозрить, что эти звуки производит автомат. Я застыла, потрясенная и испуганная. Да ведь это звонок из преисподней, мелькнула в голове ужасная мысль. Кажется, я сейчас напрямую общаюсь с тем светом и далеко не с лучшим местом в тех краях. Я стояла, держала трубку и не знала, что делать. Но равномерные звуки и не собирались прекращаться. Кто бы там ни был у него, видно, в запасе была вечность, но у меня ее не было, поэтому, собравшись с духом, я положила трубку и на дрожащих ногах вернулась в свою комнату. То, что там происходило, было еще страшнее. Когда я вошла в дверь, то увидела, что противоположной от двери стены, нет. Вместо нее там находилась какая-то комната. Я даже не могла определить ее размеры, потому что ее дальний конец терялся в сером свете. Вся комната была завалена хламом, а посередине металась странная женщина в серой хламиде, с распущенными седыми волосами. Увидев меня, она стала призывно махать мне рукой, подзывая подойти. От ужаса у меня подкашивались ноги, но я подумала, что должна идти туда, чтобы спасти его. Я двинулась вперед. Я шла очень мед-

ленно. Я делала громадные усилия, чтобы оторвать ноги от земли, но как в страшном сне, когда хочешь идти, а не можешь, я двигалась точно в замедленной съемке. Когда я подошла ближе, женщина стала указывать мне в сторону. Я повернула голову и увидела, что там есть дверь. Также медленно я пошла туда. Когда я приблизилась к двери, вдруг налетел порыв ветра, и она распахнулась. За дверью стояла толпа. Огромное количество мужчин стояли неподвижными ровными рядами. Все они были одеты в темные костюмы и белые рубашки с галстуками, и глаза у них были закрыты.

Да они же все мертвые, мелькнуло у меня в голове и еще больший ужас охватил меня. Я оглянулась на старуху. Она одобрительно закивала и еще нетерпеливей стала показывать мне жестами, чтобы я вошла туда. Глаза у нее засверкали от радости.

– Не ходи туда, – вдруг раздался у меня в голове знакомый голос. – Это дверь на тот свет. Если ты войдешь туда, ты назад не вернешься. И его ты не сможешь спасти, мертвого нельзя вернуть, ты же знаешь это.

– Беги, беги, – вдруг шелестом пронеслось вокруг меня. Огромным усилием воли, я стала пятиться назад. Снова откуда-то налетел ветер и захлопнул страшную дверь. Женщина разочарованно всплеснула руками, но я уже достигла черты, отделявшей эту странную комнату от моей настоящей комнаты. Как только я повернулась и переступила эту черту, сзади меня все исчезло, и снова появилась стена.

Обессиленная, я кое-как дошла до кресла и упала в него. Да ведь это же была ловушка, пронеслось в голове. Совсем не эти силы помогли мне прошлый раз. Где же этот великодушный белый человек, что разговаривал со мной тогда?

Как будто бы в ответ на мои мысли по комнате снова начали летать облачка. Несколько минут, и вот уже белый человек снова стоит в дверях и смотрит на меня.

– Спасибо, спасибо тебе, что ты пришел, – сбивчиво зашептала я. – Я не смогла спасти его. Пожалуйста, дай мне еще одну попытку. Я знаю, что сделать, только разреши мне вернуть время. Я должна это сделать. Ведь нельзя же допустить, чтобы он действительно умер. Он же такой молодой, красивый, талантливый.

Человек молча покачал головой. Я не смогла убедить его. Наверное, я не то говорю. Нужны какие-то другие доводы.

– Смерть сильна, – раздался у меня в голове его голос.

– Я сильнее ее, – снова яростно зашептала я, – потому что я люблю его.

В моей памяти вдруг всплыли строчки, знакомые не просто с детства, а откуда-то еще раньше, может быть, из какой-то генетической памяти, и я произнесла их вслух, как заклинание.

– И потому что сильна, как смерть любовь.

И тогда произошло еще одно чудо. Белый человек молча наклонил голову, как бы давая свое согласие. Я вскочила с места, я готова была броситься ему на шею, но его уже не было, а через секунду я снова открыла глаза.

В комнате было светло. Я не слышала радио, но не сомневалась, что время снова вернулось назад. Ведь белый человек дал согласие, я сама видела, как он кивнул. Почему-то все остальные ужасы этой ночи, не казались мне страшными, я даже почти и не вспоминала о них. Я слышала, как в кухне звенели посудой родители. Нужно было вставать, чтобы успеть увидеть Лену, до того, как она уйдет в свой техникум.

Я быстро встала и вышла из своей комнаты. Родители сидели в кухне и завтракали, совершенно не подозревая, что они проживают этот день в третий раз. У меня вдруг мелькнуло ужасное подозрение, что время не вернулось.

– Какой сегодня день? – быстро спросила я, забыв даже поздороваться.

Мама с недоумением посмотрела на меня.

– Пятница сегодня, конечно. Ты что, еще не проснулась?

Не обманул, он не обманул меня, мой белый человек, мой великодушный покровитель. Он позволил мне вернуть моего любимого. Но теперь я буду все делать по-другому. Прошлый раз я старалась все повторять, а теперь я, наоборот, буду все делать по-другому, чтобы ничего не повторилось. Прежде всего, нужно позвонить Ольге, чтобы она заменила меня. Это я сделала без особых трудностей. Правда я не стала говорить ей, что отравилась, а намекнула, что дело связано с любовью. Ольга старая дева. Ей двадцать семь лет, она до сих пор не замужем и помешана на любви и мужчинах. Если ей сказать, что речь идет о женихе, она отнесется к этому не только с пониманием, но и с энтузиазмом. Конечно, я и не собиралась говорить ей правду, а придумала, что ко мне приехал мой бывший однокурсник, с которым у нас была любовь. В общем, она тут же согласилась взять моих детей в обмен на подробный рассказ о моих любовных делах. Теперь можно было бежать к Лене. Собираясь к ней, я не удержалась и тщательно накрасилась, и надела свои самые фирменные вещи. Возможно, мне придется унижаться перед ней, просить ее, но пусть хотя бы видит разницу между собою и мной. Даже странно представить, что я сама своими руками приведу к моему Лене другую девушку. Кстати, к Лене, который даже не знает меня. Но так нужно, пока, чтобы он пережил эту проклятую пятницу. Еще хорошо, что я слышала, как Лена говорила свой адрес. Теперь еще нужно найти эту улицу, но в нашем небольшом городе, это не представляет трудности. К тому же я приблизительно знаю, где это. Это в старом районе города, и дома там все ужасные, ветхие, без центрального отопления, без удобств. Лена и жила как раз в таком доме. Он стоял в глубине двора, маленький одноэтажный домишко, с подслеповатыми окнами, с ветхой фанерной дверью.

Дверь мне открыла некрасивая угрюмая женщина лет тридцати, немного похожая на Лену. Это ее сестра, Тома, которая работает поварихой в столовой, вспомнила я то, что Лена вчера рассказывала милиционеру. Она снимает квартиру вместе с сестрой. На мой вопрос, можно ли увидеть Лену, Тома окинула меня недружелюбным взглядом и поинтересовалась, чего я приперлась в такую рань.

– Потому что мне нужно видеть Лену сейчас, – вежливо, но твердо ответила ей я, подчеркнув последнее слово. Пожав плечами, она посторонилась, пропустив меня в дом.

Через маленькую пристроенную кухню я прошла в небольшую убогую комнату. Мебель, что там стояла, очевидно, не меняли с пятидесятых годов, или просто подобрали на свалке. Посредине стоял круглый стол, покрытый уродливой плюшевой скатертью, у одной стенки старенький буфет с разнокалиберной посудой, у другой продавленный диван. По сравнению с нашей огромной «сталинской квартирой», обставленной чешской мебелью, что по тем временам считалось в нашем городе верхом роскоши, эта квартира выглядела как самый настоящий сарай.

– Ленка, вставай, к тебе пришли, – крикнула Тома по направлению к закрытой двери, как видно, ведущей в спальню. – Только долго не разговаривай, в техникум опоздаешь, – сердито прибавила она и ушла в кухню.

– Кто там? – сонно отозвалась разбуженная Лена. – Пусть проходит сюда.

Я зашла в еще более крохотную спальню. Надо отдать должное, несмотря на тесноту и убогость, в комнатах было довольно чисто. Кровать, на которой сидела зевающая Лена, было застелена чистыми простынями, и ее дешевенькая ситцевая ночная рубашка тоже выглядела свежей.

Вот на этой кровати он с ней спал, и сейчас я опять толкаю его туда же, кольнула меня ревнивая мысль. Но я постаралась спрятать ее поглубже и придать своему лицу как можно более дружелюбное выражение.

При виде меня Лена так удивилась, что даже забыла закончить зевать и так и осталась с открытым ртом рассматривать мой супермодный западногерманский джинсовый сарафан, американский батник со всевозможными лейблами и торгсиновские итальянские босоножки. Тот, кто жил в те времена, когда в магазинах были только уродливые советские вещи, и даже

чешская и польская одежда и обувь считались импортом и дефицитом, поймет, о чем я сейчас говорю. Каждая вещь из тех, что были на мне надеты, была куплена на одесском «толчке», самом дорогом в стране, и стоила две-три полные зарплаты обыкновенного человека. Так как я жила с обеспеченными родителями, не бравшими у меня ни копейки, а часто еще и подкидывавшими мне деньги, то могла себе позволить подобную роскошь. Для бедной Лены, это все, конечно, было недоступно.

Ну, вот, знай свое место, по-свински обрадовалась я про себя, немного воспрянув духом.

Все утро я заранее переживала свое унижение. Ведь я пришла просить ее сделать милость и снизить до Лениной любви, то есть, к тому, что я считала для себя величайшим счастьем.

– Лена, мне нужно с тобой поговорить, – начала я.

– Ну, садись, – кивнула она на кровать, – А о чем?

– О Лене. Понимаешь, он очень сильно переживает ваш разрыв, и мы все боимся, что он может что-нибудь с собой сделать.

– А ты кто ему? – спросила она, подозрительно глядя на меня.

По дороге сюда я решила переменить легенду и не называться его двоюродной сестрой. За два года она, наверное, уже узнала всех его родственников, и было бы странно, если бы у него ни с того ни с сего появилась новая двоюродная сестра.

– Я дочка подруги его мамы. Они дружат давно, и в детстве мы с Леной были как брат и сестра.

– А чего ж я тебя там никогда не видела? – все еще недоверчиво спросила она.

– Я училась в университете в Харькове, только теперь приехала, – терпеливо объяснила я. – Сейчас наши мамы не так часто общаются, но недавно Ленина мама заходила к нам и была такая расстроенная, даже плакала. Ты извини, что я лезу в ваши дела, но я тоже за него переживаю. Я так поняла, что у тебя есть новый жених?

– Ну, пока еще не жених, а так, парень.

– Но у вас с ним все серьезно? Вы собираетесь пожениться?

– Ну, как тебе сказать, – неопределенно протянула она. – Он, вообще-то, хочет на мне жениться, и он богатый, у него квартира, машина, но я не хочу.

Ага, ты не хочешь, так я тебе и поверила, подумала я. Спишь и видишь, чтобы он на тебе женился, но только он, видно, и не собирается.

– Так ты не любишь его? – сделала вид, что поверила ей я.

– Ну, дело не в этом. Просто, знаешь, что такое знаменитый спортсмен? У него все время поездки, сборы, соревнования. А там всегда полно девок, он парень здоровый, красивый, они на него просто кидаются. В общем, они на своих сборах так блядуют с утра до ночи, что я уже и не знаю, стоит ли выходить за него замуж, – фальшиво прибавила она.

– Понятно, – согласилась я. – Я тоже думаю, что не стоит. Тем более, что есть Ленья, который тебя любит.

– Ну, Ленья мальчик, – задумчиво протянула она. – Я его старше на два года. И он еще учится, и целиком зависит от родителей, а они меня не любят. Понимаешь, Ленья еврей, а я русская. Они считают себя богатыми, хотя его мама всего лишь бухгалтер, но зато в Облпотребсоюзе. И отец там работает, агентом по снабжению. У них дома всегда все продукты дефицитные есть, и вещи она достает импортные. А у нас Томкой одна мама в деревне. Она работает продавщицей в сельпо, получает 80 ре, а никакого дефицита у них в магазине никогда и не бывает. Его начальство еще на базе расхватывает, в том же Облпотребсоюзе. Она нам больше десяти-двадцати рублей в месяц присылать не может. Если бы Томка в столовой не работала, вообще жрать бы было нечего. У меня стипендия всего 15 рублей.

– Так ведь это временно, ты же учишься где-то.

– А, – она пренебрежительно махнула рукой, – в кооперативном техникуме. На продавщицу. Хотела на товароведа, все-таки получше, но там конкурс был большой и брали только по благу.

– А ты знаешь, что Леня очень талантлив? Его песня недавно получила первый приз на республиканском конкурсе, – продолжала вести свою политику я.

– Да, я слышала, но ведь ему дали просто бумагу, никаких денег там не давали.

– Ну, это сейчас он получил только бумагу, но он окончит консерваторию и будет знаменитым композитором. Он будет жить в Москве, и у него будет все, и квартира и машина. Вот, смотри, твой спортсмен еще выступает на соревнованиях пару лет, а потом уйдет из спорта, и никому не будет нужен. А талант – это на всю жизнь.

Я видела, что у нее загорелись глаза. Она явно представила себя хозяйкой большой квартиры в Москве, женой богатого и знаменитого мужа.

– Ты вправду так думаешь?

Как все крестьяне, она была недоверчива и очень боялась прогадать.

– Я не просто думаю, я уверена в этом, – я постаралась сказать это как можно убедительней.

Но она уже поверила, вскочила с кровати и засуетилась, стала перебирать вещи в шкафу.

– Я вообще-то и сама думала с ним помириться, только не знала как. Домой к нему идти не хочется, там его родители и брат, а телефона у них нет. Тоже мне строят из себя что-то, а у самих даже телефона нет, – фыркнула она.

– Идем сейчас, – твердо сказала я. – Его родители уже ушли на работу. Пошли, я провожу тебя.

– А он, наверное, уже ушел в училище, – засомневалась она.

– Он сейчас в училище почти не ходит, прогуливает, поэтому его мама так и переживает. Давай одевайся и пошли, а то мало ли чего ему в голову взбредет.

– Да, он мне уже говорил, что покончит с собой, если я не вернусь к нему, – она самодовольно засмеялась, – так что я думаю, никаких трудностей не будет. Он будет счастлив, что я пришла.

Надо сказать, что в течение нашего разговора, я испытывала муки совести. В общем-то, она так доверительно рассказывала мне о себе, верила, что я действительно проявляю о ней заботу, а я собиралась просто использовать ее. Но при ее последних словах во мне снова проснулась ненависть к ней. Сука, говорит о его самоубийстве со смехом. А ведь он действительно покончил с собой. Какое бы было счастье, если бы этого не было. Мне не пришлось бы пройти через все эти ужасы, и сейчас все не было бы так зыбко и ненадежно.

Мы бы просто встретились с ним и любили бы друг друга, и мне и в голову бы не пришло бегать к ней и так унижаться и его унижать.

Но делать было нечего. Я и сама тоже была не без греха. Если бы я только вовремя пришла к нему в ту первую пятницу, он был бы по-настоящему живой, и смерть не охотилась бы за ним так настойчиво, чтобы забрать его обратно, так как считала, его своей добычей.

По дороге она ныла, рассказывая мне, как им тяжело жилось в детстве, как все в жизни несправедливо поделено. При этом она то и дело поглядывала с вожделием на мои вещи, чтобы я поняла, на кого она намекает. Вообще-то, я не могла осуждать ее. Еще неизвестно, какой бы была я, окажись на ее месте. Может, еще ожесточенней сражалась бы за свое место под солнцем. И она только что пережила разочарование от неудачи с одним женихом, а я собираюсь отнять у нее второго. Но здесь уже ничего не поделаешь. Леню отдать ей я не могу. Конечно, нехорошо, что я ее обманываю, но каждый имеет свое право на счастье. Я борюсь за свое, а в любви и на войне хороши все средства.

За квартал от Лениного дома мы распрощались. Я взяла с нее слово, что она ничего не скажет ему обо мне. Она охотно согласилась. Еще бы, все ведь должно было выглядеть,

как будто она вернулась к нему из-за большой любви. Ну, просто поняла, что не может без него жить, и все такое. Она поспешила к нему, а я сделала вид, что ухожу, но сама зашла в подъезд следующего дома. Я просто не могла удержаться, чтобы не посмотреть на него, когда они выйдут из дома. Она сама сообщила мне, что не может сейчас задерживаться у него, так как у нее сегодня важный зачет в техникуме. Да и ему тоже, наверное, нужно в училище: сейчас конец учебного года, а у него выпускной курс.

Их долго не было, наверное, не меньше, чем полчаса. Я стояла в чужом подъезде, такая одинокая, представляя, как он там сейчас целует ее, и стыдясь того, что собираюсь за ними подсматривать. Когда я уже окончательно решила, что они не выйдут, так как уже, наверное, лежат в постели, они вышли из подъезда. Ну, вот он, мой дорогой мальчик, идет с другой девушкой, причем с любимой, и даже не подозревает о моем существовании. Они подошли ближе. Я быстро поднялась по лестнице и посмотрела на них через окно на лестничной клетке. Особо счастливым он не выглядел, даже не обнимал ее, просто они шли рядом и о чем-то серьезно разговаривали. Во мне шевельнулась надежда, может, он и вправду не так уж любит ее. В конце концов, он сам мне так сказал. Правда, это было в другой жизни, но ведь он остался прежним.

Они прошли мимо, а я сама не зная зачем двинулась за ними. Я шла на большом расстоянии от них, хотя Лена не оглядывалась, а он вообще ничего обо мне не знал. Вскоре я поняла, что они идут к ее техникуму, он провожал ее. Я знала, где этот техникум находится и тоже пошла туда по параллельной улице. Потом снова спряталась в подъезде какого-то дома и дождалась, когда они появились там. Он дошел с ней до двери, они попрощались, и он, наклонившись, поцеловал ее. Правда, после некоторой заминки, и скорее это она подставила ему губы для поцелуя. Потом она скрылась за дверью, а он повернулся и пошел назад. И тут я не выдержала. Ноги сами вынесли меня из подъезда, и я пошла навстречу ему. Мы встретились недалеко от автобусной остановки. Ничего не произошло, он просто окинул меня оценивающим взглядом, каким всегда мужчины смотрят на симпатичную девушку, и прошел мимо. Я посмотрела ему вслед. Вдруг через несколько метров он остановился, да так резко, как будто что-то остановило его. Потом он повернулся ко мне. В его глазах было недоумение. Он вспомнил меня, вернее, я просто показалась ему знакомой, но он явно не мог понять, откуда он меня знает. Несколько секунд мы просто стояли и смотрели друг на друга. Наконец, я не выдержала.

– Леня, – вырвалось у меня, – Ленечка.

И я бросилась к нему. Он тоже шагнул мне навстречу и смущено улыбнулся.

– Я откуда-то знаю тебя, – сказал он, вглядываясь в меня. – Странно, что я не могу тебя вспомнить. Если мы действительно были знакомы, я бы не смог тебя забыть.

Я счастливо засмеялась.

– Это неважно, что ты не помнишь. Я все расскажу тебе, но только не сейчас.

– Почему не сейчас?

– Мне нужно идти на работу, а тебе нужно идти в училище, а то родители снова будут ругать тебя.

– Похоже, что ты обо мне все знаешь, – удивился он. – Кто ты?

– Давай завтра встретимся. Завтра я тебе расскажу.

Когда что-нибудь придумаю, про себя подумала я. Не рассказывать же ему правду. Теперь она ни к чему.

– Слушай, почему завтра? – огорчился он. – Давай сегодня вечером.

Ну, уж нет. В этом кино мы уже были.

– Нет, сегодня вечером ты должен быть с Леной.

– Ты и это знаешь? – еще больше удивился он.

– Я знаю о тебе все, – загадочно сказала я и, не удержавшись, прибавила, – мой дорогой.

Он засмеялся и покрутил головой.

– Ну и ну, – сказал он, – такого у меня еще никогда в жизни не было. Неужели я мог забыть тебя? Ты такая красивая. Хорошо, если ты хочешь, чтобы я умирал от любопытства, то пусть будет завтра. Когда мы увидимся?

– У тебя нет дома телефона, так что позвони ты мне. Я буду дома после двух часов. Вот мой номер.

Я быстро написала наш домашний номер телефона на клочке бумаги, сунула ему в руку и побежала к подошедшему автобусу. Он поднес бумагу к лицу и посмотрел на нее.

– Э, – крикнул он, – здесь же нет имени. Кого мне позвать к телефону?

Но дверь автобуса уже закрылась, и я только махнула ему на прощанье рукой.

В школу я успела как раз к концу второго урока. На перемене ко мне подскочила умирающая от любопытства Ольга.

– Ну что там у тебя? Что вы решили?

Я с трудом вспомнила, что наврала ей утром про однокурсника. Пришлось продолжить историю. Я сказала ей, что после того, как мы расстались с ним, он женился, но теперь разводится и понял, что любит только меня. Сегодня я проводила его, но он приедет после развода и мы поженимся.

Бедная Ольга только завистливо вздыхала, слушая мое вранье. Во всей школе только мы с ней вдвоем были не замужем, а теперь она и вовсе оставалась одна.

– По тебе видно, что ты его любишь, – совсем уже загрузив, сказала она. – У тебя такой счастливый вид. А у меня для тебя две новости. Первая, тебе звонили из редакции, просили, чтобы ты перезвонила.

Ох, опять это проклятое интервью, вспомнила я. Ну, уж нет, оно мне не надо. Даже вспоминать о нем тошно.

– Не буду я им звонить, – вырвалось у меня. – Они мне осточертели.

– Конечно, зачем тебе это надо, у тебя теперь будут другие заботы, – испутив очередной завистливый вздох, согласилась моя подруга. – Но от второй новости ты не отвертись.

– А что случилось?

– Нам педсовет по итогам года перенесли с понедельника на сегодня на шесть часов. Это потому, что к нам пожалуют представители районо и гороно. И еще самое главное, ты в списке выступающих.

– Ты что, с ума сошла? – ужаснулась я. Меньше всего я сейчас могла думать о педсовете.

– Я ни разу еще на педсовете не выступала. Что я буду говорить?

– Мне велели передать тебе, что ты как молодой специалист должна рассказать, что тебе дал год работы в школе. Что ты считаешь положительным, что тебе хотелось бы изменить, улучшить. Кто из учителей тебе помогал в твоей работе, в общем, всякую такую чушь.

– Да я понятия не имею обо всем этом, и оно мне вообще не надо. Я не пойду туда вот и все.

– Ты что с ума сошла? – испугалась Ольга. – Да тебя завуч и директор со свету сживут, ты же их подведешь. Вот что, после уроков пошли ко мне. У меня бутылка есть, выпьем винца, приготовим что-нибудь, посидим, я тебе помогу, мы такую речь составим, все будут рыдать.

В общем-то, вдруг подумала я, какая мне разница, где быть сегодня вечером. Главное, чтобы он скорей прошел, и чтобы Леня пережил его. Все равно буду переживать и мучиться, а с Ольгой выпьем, может быть, легче будет.

Ну, хорошо, – решила я. – Если ты мне сможешь сочинить что-нибудь, тогда я согласна. Значит, после уроков пойдем в магазин, а потом к тебе.

На уроках я нарочно все делала не так как в прошлые разы, вызывала не тех учеников, давала другие упражнения. Почему-то я вбила себе в голову, что мне нужно как можно сильнее изменить действительность, чтобы все поменялось. Потом мы пошли к Ольге, нажарили картошки с колбасой и, выпив пару рюмок, умирая со смеху, сочинили прекрасную речь в духе

марксизма-ленинизма и, вообще, на высоком моральном уровне. На педсовете речь приняли всерьез, и она прошла на «ура». Наша завуч даже прослезилась.

После своего блистательного выступления я как всегда забила в дальний угол, чтобы досидеть там до конца педсовета, предаваясь собственным мыслям. То и дело я поглядывала на часы, не представляя, что будет, когда стрелки подойдут к восьми.

Мотоцикл промчался под окнами, когда представитель горно говорила заключительную речь. Он ревел так громко, что заглушил ее слова, и она невольно поморщилась. Рев уже стал немного стихать, когда раздался звук страшного удара. Металл с силою ударился о металл и грохот был такой, что у нас оборвалось сердце. Все повскакивали и кинулись к окнам, но там ничего не было видно, авария произошла где-то в конце квартала. Люди еще никак не могли успокоиться, когда дверь учительской открылась и, вбежала какая-то женщина. Извинившись, она попросила разрешения позвонить по телефону и вызвать скорую помощь.

– Ой, там такая страшная авария, – позвонив, начала рассказывать она. – Я как раз стояла на углу, когда они прошли мимо меня. Девочка такая симпатичная блондинка, а мальчик вообще красавец, стройный, высокий, кудрявый такой. Я еще обратила внимание, что у него черные волосы и синие глаза. Там на углу парень стоял с мотоциклом, его друг какой-то. Девочке сильно захотелось покататься на мотоцикле, ну, парень и дал им проехать один квартал. А тут из-за угла выскочил грузовик и свернул сюда, хотя этого нельзя делать. Здесь движение одностороннее, даже я это знаю. Ну, он и врезался в них на полной скорости. Девочке вообще ничего, ни одной царапины, а мальчику всю голову разбило, изуродовало страшно. По моему, его сразу убило, но может быть еще живой, хоть бы скорее «скорая помощь» приехала. Какая жалость, такой красивый мальчик, а хоронить придется с закрытым лицом.

Даже сейчас через столько лет, когда я вспоминаю эти мгновения, у меня перестает биться сердце, я вновь и вновь вижу перед собой всю эту картину. Дверь открывается и в учительскую вводят под руки рыдающую Лену. Женщины кидаются к ней на помощь, несут воду, валерианку, наша завуч веет у нее перед лицом какой-то тетрадкой. Врываются еще какие-то люди, требуют еще раз позвонить в скорую помощь, все еще бегают, суетятся, но я уже знаю, что будет дальше. Дальше будет моя долгая безрадостная жизнь, и весь мир – пустыня. Я встаю, складываю свои вещи, молча выхожу из учительской и закрываю за собой дверь. Все кончено, все.

Студент

История эта случилась со мной давно, в годы моей молодости. Пожалуй, лет двадцать я молчал о ней, так как знал, что никто мне не поверит, а только будут смеяться, или того хуже, начнут вертеть пальцем у виска. Уж так было воспитано мое поколение в духе воинствующего атеизма и диалектического материализма. Никто из нас тогда не думал ни о Боге, ни о душе, никто не ждал ни рая, ни ада после смерти, так как с самого раннего детства нам внушали, что жизнь человеку дается только один раз, и если уж умер, то умер навсегда, и ничего дальше нет. По телевизору не показывали триллеров с ожившими утопленниками, зомби и привидениями, никому не приходило в голову брать интервью у вампиров. Стивен Кинг еще не написал свои книги, и самое крутое, что мы могли прочитать, были рассказы классика американской литературы Эдгара По. Конечно, устное народное творчество не дремало и как могло, заполняло образовавшуюся нишу. Из уст в уста передавались жуткие страшилки, начиная с самой детской о «гробе на колесиках», и кончая сомнительными «случаями из жизни», которые всегда случались не с самим рассказчиком, а с бабушкой его соседки, или с соседкой его бабушки.

Потом неожиданно кончилась эпоха развитого социализма и вместе с капитализмом к нам пришла запоздалая, а потому и не столько страстная, сколько судорожная, вера в Бога, а раз так, то, естественно, и в дьявола. В книжных магазинах стали продаваться полные издания Мастера и Маргариты, а вместе с ними и всяческая мистическая дребедень. Ученые измерили и взвесили нашу бессмертную душу в момент ее вылета из тела умирающего человека, а привидения были легализованы, сняты на видео и записаны на магнитофон. Во всех газетах стали давать полезные советы, как лучше увидеть мертвого родственника на мерцающем экране, включенного после окончания передач, телевизора, и что делать, когда этот же мертвый родственник позвонит вам по телефону. В любом сайте Интернета появилось множество рассказов очевидцев об их встречах с мертвецами, а по первому каналу телевидения после программы «Время» чернородый астролог начал бесплатно раздавать предсказания будущего, причем настолько пространные, что толку от них все равно не могло быть никакого, а проверить было попросту невозможно.

Другие времена, другие нравы, поэтому я осмелел и, как-то, возжаждав популярности среди молодого поколения, впервые рассказал о своем самом страшном приключении, и, надо сказать, мой рассказ имел бешеный успех. С тех пор я много раз повторял его с тем же неизменным успехом и всегда недоговаривая о том, что же было в самом конце. То, что я сейчас пишу, является единственным полным изложением этого моего рассказа, и я не собираюсь при жизни давать никому его читать. Если же вы сейчас читаете его, это значит, что я уже умер, и мне совершенно все равно, что вы обо мне подумаете. Итак, вернемся к нашим мертвецам. В те годы я был студентом Харьковского университета и учился на факультете романо-германской филологии, а говоря попроще, на факультете английского языка и литературы, отделение переводчиков-референтов. Сам я был не харьковский, а приехал из небольшого города на той же Украине. Харьков я выбрал потому, что здесь было отделение переводчиков, что встречалось не в каждом ВУЗе, и еще потому, что все мамы родственники жили в этом городе. Конечно, они встретили меня криками, что простому парню вроде меня нечего и пытаться поступить на такой престижный факультет. Таких там даже и на порог не пускают. Но я был упрям и в свою очередь объявил, что если там должны просто для приличия принять хотя бы одного простого парня без блата, то этим парнем буду я.

Во время вступительных экзаменов я жил у маминой двоюродной сестры в старом четырехэтажном доме в центре города. Все квартиры в нем были коммунальные. В теткиной квартире, например, проживали еще шесть семей. Все там было: и длинный запутанный коридор с многочисленными дверьми, и старая грязная ванная комната со страшной облупленной ван-

ной, и ободранный туалет с выдавшим видом унитазом, и с развешенными на стенах индивидуальными деревянными сиденьями, по одному на каждую квартиру. В общем, кто хочет больше подробностей, может обратиться к Ильфу и Петрову и прочитать их описание «Вороньей Слободки». Можете быть уверены, все сойдется один к одному.

Когда я жил у тетки во время экзаменов, она особо не волновалась, так как твердо знала, что я все равно не поступлю. Но когда, паче чаяния, я был все-таки принят, она заволновалась, так как в ее планы не входило делиться площадью с двоюродным племянником, и начала срочно искать мне жилье, на случай, если я не получу общежития. Общежития я действительно не получил, так как на первом курсе его давали только совсем уже малообеспеченным студентам, и тетка заволновалась еще сильнее. И, как оказалось, напрасно, потому что квартира нашлась в этом же доме только на первом этаже. Конечно, квартира тоже была коммунальной, но там проживали, слава богу, только три семьи. Об этой квартире я должен рассказать подробнее, так как именно расположение комнат и сыграло важную роль в том, что произошло там через несколько лет.

Итак, представьте себе старинный дом с огромной парадной дверью. Зайдя в нее, оказываешься в длинном и широком холле, не чета теперешним лестничным площадкам. По этому холлу нужно было пройти довольно большое расстояние, чтобы дойти до начала широкой лестницы, ведущей на верхние этажи. Эта лестница была не посередине, а как бы смещена влево, а если пойти прямо, то упруешься в большую дверь. Так вот эта дверь открывалась непосредственно в снимаемую мной комнату. В старые добрые времена эта комната служила, по-видимому, прихожей, так как была мала, но в скудное советское время стала считаться полноценной комнатой.

Из моей комнаты можно было пройти в другую, гораздо большую комнату, в которой жили мои хозяева. Из их комнаты уже можно было выйти в длинный узкий коридор, куда с левой стороны выходили двери еще двух соседских квартир. С правой стороны тянулась глухая стена. Если идти по этому коридору, то метров через шесть он разветвлялся и одна его часть поворачивала влево. Там находился туалет и еще одно квадратное помещение непонятного назначения с краном и раковиной. Уже из него можно было пройти в общую на всех соседей кухню, и там квартира заканчивалась.

Второй отросток коридора был короткий и заканчивался дверью, ведущей во двор. Для нас это был черный ход, так как в нашей квартире, если вы помните, был еще и выход в парадное. Для соседей же это был единственный вход, что почему-то внушало им огромный комплекс неполноценности и заставляло завидовать моим хозяевам.

Теперь подробнее о жильцах этой «нехорошей» квартиры. Сначала о тех, у которых я снимал свою комнату. Это была довольно странная пара. Хозяин, бывший дирижер театра оперетты, в моем тогдашнем понятии, был очень старым человеком, в момент моего поселения ему было шестьдесят четыре года и он был пенсионером. Несколько лет назад он перенес инсульт, и левая рука у него плохо двигалась. Также он хромал на левую ногу и ходил, опираясь на тросточку. Еще после инсульта он стал заикаться, но, в общем-то, был довольно бодрым стариком.

Его жена была моложе его на двадцать лет. В молодости она танцевала в кордебалете того же самого театра оперетты, где и подцепила его после смерти его первой жены. Теперь ей было около сорока пяти лет и, хотя в театре ее уже проводили на пенсию, она продолжала танцевать теперь уже на эстраде. Она была худая, жилистая, с пышными волосами и узким некрасивым лицом, на котором выделялся очень длинный нос. Она считала себя молодой, ходила исключительно в коротких обтягивающих платьицах, в общем, была из тех, о которых говорят «сзади пионерка, впереди пенсионерка». Она разъезжала по гастролям с молодым партнером, который, понятно, был ее любовником, но с которым они манерно обращались к друг другу исключительно на вы. Еще у моих хозяев была дочка лет двадцати пяти, но она с мужем жила

отдельно от родителей. У них была двухкомнатная квартира, где-то в районе новостроек. Я ее прекрасно знал, так как она часто заходила к родителям, особенно, когда приезжала моя хозяйка. Марина была очень симпатичной и милой молодой женщиной, и, слава богу, совсем не походила на свою мамочку. В свое время у нее хватило ума не связываться ни с балетом, ни с каким-либо другим видом искусства, а окончить педагогический институт и работать в школе учителем математики. Она мне нравилась, просто как человек, и у нас были прекрасные приятельские отношения. Бывая у родителей, она всегда заходила ко мне в комнату поболтать, с большим юмором рассказывала всякие смешные истории из своей студенческой жизни, давала полезные советы, так как была очень практичной и благоразумной женщиной. К своей матери она относилась любовно-насмешливо, и, говоря о ней только снисходительно махала рукой, мол, пусть ее еще погуляет, пока может. Маринин муж, Борис, инженер по образованию, очень серьезный и солидный молодой человек, тещу не любил, относился к ней с брезгливостью и презирал за богемный образ жизни.

Теперь о соседях. В обеих остальных квартирах жили две пары пенсионеров, бывших работников все того же несчастного театра. Мужья в свое время играли в оркестре, которым дирижировал мой хозяин, а жены были всего лишь билетершами, что не мешало им считать себя людьми, причастными к высокому искусству. Привыкнув к интригам и сплетням закулисного мира, они никак не могли успокоиться и на пенсии, и часто поймав меня в коридоре или на кухне, выдавали мне разную информацию о бурной молодости моей хозяйки и о глупости ее мужа.

Моя квартира мне нравилась тем, что я целыми днями был в ней один. Моя хозяйка Беллочка, как ехидно называли ее соседки, постоянно разъезжала по гастролям с разными трехразрядными коллективами из какой-нибудь захудалой филармонии. Дома она появлялась раз в несколько месяцев и, с трудом отсидев с мужем пару недель, снова укатывала в турне по провинциальным городкам и деревенским клубам. Хозяин хоть ворчал и сердился, удерживать ее дома не мог. Видно, ему уже было нечем ее удерживать, а там была свобода и молодой любовник. В отместку и из жадности он забирал у нее все деньги, заработанные на гастролях и прятал где-то у них в комнате, так как сберкассе не доверял и своей жене тоже. Боялся, что в один прекрасный день она начнет тратить их на своего обожаемого Женю, чтобы удержать его. Наверное, она все-таки утаивала от него часть выручки, так как остальные деньги отдавала ему охотно и говорила, что на расходы ей хватает театральной пенсии. Вот и хорошо, говорил он ей, потому что этих денег вы все равно не получите. Я их с собой заберу на тот свет, а вам не оставлю. Если вам станет интересно, откуда я это знал, то могу вам сказать, что дверь между нашими комнатами была достаточно тонкой, и кое-что было слышно, если даже не прикладывать к ней ухо, а уж если приложить, то было слышно все.

Итак, Беллочка сбегала на очередные гастроли, а у Юрия Давыдовича, моего хозяина тоже была работа. Каждое утро он уезжал к дочке нянчить трехлетнего внука и возвращался домой не раньше десяти часов вечера. Таким образом, квартира была целыми днями в моем полном распоряжении, а отдельный вход делал ее совершенно неотразимой в моих глазах. Именно поэтому я решил остаться в ней жить и в последующие годы, хотя потом мне неоднократно предлагали перейти в общежитие. Матери я сказал, что в общежитии жить не стоит, так как там невозможно как следует заниматься, там вечные гулянки и выпивки, а все вещи общие. Мама, приятно удивленная моим благоразумием, конечно же, со мной согласилась и продолжила исправно высылать мне деньги на квартплату. Хозяин тоже был мной доволен, так как у меня хватало ума не устраивать шумные сборища. А если я кого-то и приводил через парадную дверь, то соседи этого не видели и донести не могли. Ну, а к десяти часам вечера все в доме всегда было убрано, все следы ликвидированы, и я обычно встречал хозяина в неизменном одиночестве с обязательным учебником в руках. Кстати, если утром и днем он уходил и приходил через черный ход, то вечером обычно был слишком усталым, чтобы обходить через

двор, поэтому по нашему взаимному соглашению он шел через подъезд, стучал в мою дверь, и я пропускал его через свою комнату. Мне это было даже удобно, так как я заранее слышал, как он входил в подъезд и успевал приготовиться. Например, выключить телевизор, который мне не разрешали включать, закончить телефонный разговор, или выключить свет в их комнате, где было единственное большое зеркало. Походку моего хозяина нельзя было спутать ни с кем, и, заслышав характерно постукивание палочки в подъезде и прихрамывающие шаги, я прекращал все недозволенные занятия и к удовольствию Юрия Давыдовича открывал ему дверь, даже не дожидаясь стука.

Так мы жили тихо-мирно и в течение трех лет поссорились с моим хозяином только один раз. Произошло это из-за пустяка. Обычно дверь, ведущую во двор никогда не запирали в течение дня. Только ночью, убедившись, что все соседи дома, кто-нибудь задвигал засов. Потом вдруг в коридор время от времени стал забредать какой-то тихопомешанный человек, и соседи, проведя совещание, скинулись на новый замок и ключи. Для гостей сделали звонок, под которым повесили список с фамилиями жильцов, указывающий сколько раз в какую квартиру звонить. Забыв, что мой Юрий Давыдович панически боится смерти и не терпит даже любое напоминание о ней, я, давась от смеха, неосторожно сказал ему, что этот листок очень походит на список, который вырезают на памятнике братской могилы. Господи, что тут началось. Визжа и топая ногами, мой хозяин, забыв о палочке, бегом пробежал по коридору, сдернул злосчастный лист и в гневе порвал его на мелкие клочки. После этого он целую неделю не разговаривал со мной, пока я не принес ему свои извинения. Но разговаривая с ним покаянным тоном, я злорадно думал про себя, все равно ты умрешь, как миленький, недолго тебе уже осталось. И от денежек, что ты копишь и прячешь от жены, никакой тебе пользы не будет. А после твоей смерти она все равно их найдет и потратит на любовника. Поэтому и копить тебе разрешает, чтобы ему больше потом досталось. А с собой деньги еще никому забрать не удалось.

Теперь, когда я так подробно описал все обстоятельства, я могу перейти к тому, ради чего и начал писать этот рассказ. Это случилось, когда я был уже на четвертом курсе. Однажды осенним вечером я как всегда смотрел потихоньку телевизор, когда услышал знакомое постукивание палочки в гулком подъезде. Я быстро выключил телевизор и подождал с минуту, пока экран не станет совсем темным, так как, если вы помните, тогда экран еще какое-то время светился после выключения. Почему-то мой хозяин дошел до двери очень быстро и успел несколько раз постучать, пока я смог открыть ему. Обычно он терпеливо ждал и всегда приветливо говорил «Добрый вечер», но в этот раз, открыв дверь, я увидел перекошенное от гнева лицо.

– Ты почему не открываешь? – сердито закричал он на меня и от злости даже стукнул палкой об пол.

Это было так не похоже на него, что от удивления я остолбенел и даже забыл посторониться, чтобы пропустить его в дом. Но дальше он повел себя еще более странно. Вместо того чтобы вежливо попросить меня отойти от двери, он с силой отстранил меня и прошел мимо, что-то злобно бурча про себя. Я с изумлением отметил, что так сильно он толкнул меня именно большой левой рукой, в которой обычно не мог удержать даже тарелку. Зайдя в свою комнату, он захлопнул дверь и тщательно прикрыл ее, чего обычно не делал. Потом он стал расхаживать там, сильно стуча палкой и что-то бормоча себе под нос. Я в изумлении с размаху уселся на диван, прислушиваясь к тому, что он там делал. А из его комнаты вдруг послышался шум сдвигаемой мебели, а потом какой-то металлический скрежет.

Ничего себе, силен старик, подумал я. Сколько лет притворялся немощным, а сам шкаф отодвинул. Что-то еще необычное в нем не давало мне покоя. Я никак не мог понять, что же это было, и мучительно старался вспомнить, перебирая в уме все, что случилось с тех пор, как я открыл дверь. И вдруг меня осенило: он не заикался. Ну да, обычно он запинаясь и растягивал слова или несколько раз подряд произносил один и тот же слог. А тут он закричал на меня без всякого заикания. Что же с ним случилось? Может быть, он перестал заикаться

от того, что так распсиховался? И даже левая рука стала действовать как здоровая. Вообще-то, я читал, что в стрессе человек может совершать чудеса, даже не замечая этого. Например, поднять автомобиль, чтобы вытащить из-под него своего ребенка, или перепрыгнуть через высокий забор или еще что-нибудь. Интересно, а что же с ним случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.